

Под страхом смерти

Жан Брюс

Приближалась гроза, но Багу было не до этого. История, которую он собирался рассказать шефу, была действительно занятной...Он вошел в здание Пентагона с южной стороны, но был сразу же остановлен полицейским постом.— Ваши документы, пожалуйста. Вы к кому?— К господину Смиту. Я очень спешу...Полицейский взял пропуск и, бегло скользнув по нему взглядом, спросил:— У вас назначена встреча?Баг развернул пластинку мятной жвачки, сунул ее в рот и, жуя, ответил:— Меня ждут там постоянно. Разве я вам не сказал, что я спешу?— Все спешат, — спокойно заметил полицейский. — Все, кроме меня.Он с невозмутимым видом направился к железному каталожному ящику и не торопясь открыл его. Багу ничего не оставалось, как смириться. Он прислонился плечом к стене, продолжая жевать жвачку. Да, история, которую он собирался рассказать шефу, была очень занятной...Постовой задвинул ящик на место и вернулся к своему столу, по-прежнему держа в руке пропуск Бага. Он нажал на кнопку внутреннего переговорного устройства, после чего зажглась сигнальная лампочка. Когда она погасла, из аппарата раздался гнусавый голос: «Первый слушает...»— Прием, — ответил постовой, искоса поглядывая на Бага. — Здесь посетитель к шефу, по фамилии Баг, числится на службе.Гнусавый голос перебил: «О'кей. Пусть поднимается прямо на двадцать первом».Раздался щелчок. Постовой взглянул на Бага с некоторым почтением.— Вы должны оставить здесь все свои документы. Таково правило...— Я знаю, — сказал Баг, протягивая ему бумажник из черной кожи.Постовой подозвал другого полицейского, который повел Бага по бесконечным коридорам до лифта двадцать один, поднимавшегося прямо к кабинету Смита, главного шефа ЦРУ. Лифт был скоростным. Через несколько секунд он остановился, и Бага ослепил пучок яркого света. Осторожный Смит проверял личность посетителя по

телеэкрану. Дверь лифта открылась, за ней оказался бронированный щиток, и Баг проник в святая святых. – Привет, – сказал он. – Как дела? За огромным овальным столом, занимавшим полкабинета, сидел Смит. – Здравствуйте, Баг. Рад вас видеть... Садитесь и рассказывайте. Я ждал вас. Его бледное и одутловатое лицо было всегда усталым, а близорукие глаза казались огромными за стеклами очков. Баг опустился в кресло, скрестив ноги, и расстегнул светлый габардиновый пиджак. Багу очень шла нарочитая небрежность... Смит спросил: – А где Юбер? Я думал, вы придете вместе... Крепкое тело Бага заколыхалось от смеха. – Юбер уехал на каникулы, – сказал он. Смит недовольно поморщился: – Он мог бы немного подождать... Смех Бага резко оборвался. – Каникулы по другую сторону железного занавеса. В настоящее время, если он еще жив, он должен находиться в какой-нибудь секретной лаборатории. Ему поручат работу, в которой он ни бельмеса не понимает. Я бы не хотел быть на его месте... Смит помрачнел: – Что все это значит? Я не люблю загадок. В вашем послании было сказано: «Миссия выполнена». Я надеюсь, вы привезли с собой Менделя? Баг живо объяснил: – Мендель у нас, и в полной безопасности. Вы можете им располагать. Но мне кажется, что некоторое время мы должны сохранять в тайне его местонахождение... Помолчав секунду, он продолжал: – Я посчитал разумным захватить также из Триеста журналиста и его сестру... Он заметил недовольную гримасу на лице шефа и решил не тянуть: – Начну сначала... Неделю назад Франц Халлейн, наш постоянный агент в Триесте, узнал от своего друга журналиста, что один бывший немецкий ученый, выдворенный из Египта, прибывает в свободный город Триест. Этот ученый якобы сконструировал в Германии, незадолго до ее разгрома, первые летающие тарелки. Как он утверждает, его коллеги с несколькими уцелевшими приборами были захвачены русскими. Вы отправляете Юбера в Триест, куда в то же самое время еду и я. Прибыв на место, мы узнаем, что Франца Халлейна вынули из канала... Мертвым и в таком жалком виде, что нет сомнений в том, что его пытали. Стефан Менцель,

немецкий ученый, появляется в городе в то же самое время и тотчас исчезает. Журналист Артур Ламм также исчезает. На сцену выходит Юбер. У него ушло двое суток, чтобы найти Менцеля у сестры Ламма и похитить его под носом у советских агентов, также прибывших на место. Затем, вдохновленный новой идеей, Юбер дает похитить себя советским агентам, принявшим его за Менцеля, не без участия журналиста и его сестры... После короткой паузы Баг развел руками: – Вот как обстоит дело... Мы захватили Менцеля, настоящего, который согласен с нами сотрудничать. Наши противники считают, что они тоже держат Менцеля в руках, хотя это всего лишь Юбер! Он безрадостно улыбнулся: – Забавно, не правда ли? – Очень забавно, – согласился Смит. Он снял очки и протер стекла. Баг испытывал неловкость, глядя в большие невидящие глаза Смита. Чтобы скрыть свое смущение, он сказал: – Этот тип, Менцель, кажется серьезным... – Юбер что-нибудь передал вам? – перебил его Смит, надевая протертые очки. Баг, поморщившись, покачал головой: – Ничего. Я отправил с ним человека, который помог мне похитить Менцеля... – Этот парень просто сумасшедший, – заметил Смит. – Там быстро поймут, что он абсолютно не разбирается в физике, и расстреляют его... Баг пожал своими широкими плечами. – Я не думаю, что он намерен там задерживаться, – сказал он. – Я полагаю, что, если его отвезут на завод, где изготавливаются эти тарелки, он соберет всевозможную информацию и вернется... – Попытается вернуться, – мягко поправил Смит. Баг не отреагировал на это замечание. – Я сомневаюсь, что мы сможем чем-нибудь ему помочь. Нам остается только ждать, позаботившись о том, чтобы избежать утечки информации... О том, что Менцель у нас, никто не должен знать... Смит достал из коробки сигару, откусил зубами ее конец и не спеша закурил. – Менцель – это капитал, который не должен залежаться. Сегодня же вечером мы свяжем его с нашими техниками. Мы примем все меры предосторожности, но... Он сделал глубокую затяжку и, выпустив клуб дыма, добавил: – Что касается оказания помощи Юберу, мне кажется, что мы сможем что-нибудь сделать. Наши специалисты из службы

документации без труда смогут локализовать точки, где русские разместили заводы по производству тарелок. Мы предупредим наших агентов на местах. Баг перестал жевать. Сдвинув брови, он возразил:— Это очень большой риск. Утечка неизбежна... Смит оборвал его жестом руки:— Если мы будем бояться риска, мы никогда ничего не сделаем. В нашей профессии, как вам хорошо известно, большую роль играет удача...

2

Юбер Бониссор лежал на узкой кушетке, заложив руки за голову. Ему казалось, что время тянется бесконечно долго. Он был похищен двое суток назад в Триесте. Хирурго, приняв за Стефана Менцеля, привез его в Пирано на машине. Над Адриатикой вставал серый день, пришедший на смену страшной буре, которая бушевала здесь несколько дней подряд. Хирурго передал его хозяину рыболовецкого судна «Св. Маргарита», которое полчаса спустя вышло в открытое море. Кроме хозяина на судне было пять человек экипажа. Сравнительно небольшой траулер был оснащен мощным дизельным двигателем, ультрасовременной радиоустановкой и рыболовецким оборудованием, которое использовалось не часто. По правому борту располагалась каюта, странным образом напоминая камеру... В этой «каюте» и был заперт Юбер... Вдруг он услышал какую-то странную возню на палубе и, опершись на локоть, прислушался. Он подошел к иллюминатору с железной решеткой в тот момент, когда раздался пушечный выстрел. Черт возьми! Что происходит? Он прямо прилип к решетке. В нескольких кабельтовых на волнах покачивалась длинная серая подводная лодка. Люди в форме толпились на мостике. Над мачтой поднялся британский флаг. Моряки спустили на воду шлюпку.— Черт побери!— проворчал Юбер.— Что им понадобилось? Он боялся, что непредвиденные обстоятельства могли сорвать его план... В коридоре послышались торопливые шаги. В обитой железным щитом двери повернулся ключ, и в каюту вошел хозяин «Св. Маргариты». Невысокий, коренастый, похожий на бульдога, он стоял,

широко расставив ноги. Из-под густых бровей мрачно смотрели темные большие глаза. Закрыв за собой дверь, он сообщил:– Британский экипаж хочет произвести досмотр нашего судна. Они очень наглые и под любым благовидным предлогом обыщут мою посудину.Он сделал паузу, всматриваясь в спокойное лицо Юбера, великолепно игравшего роль рассеянного ученого.– Если вас начнут спрашивать... Что вы им скажете?– Я... Я не знаю.Хозяин «Св. Маргариты» облегченно вздохнул:– Вы скажете, что вас зовут Ганс Хебнер. Вы ученый-океанограф. Откуда родом, придумаете сами. Я взял вас на борт за некоторое вознаграждение.Поскольку Юбер молчал, хозяин угрожающе добавил:– Это не предложение, это приказ. Я не хочу рисковать своей шкурой... Если вы расколетсяь, я, не раздумывая, подорву судно. Вы сдохнете вместе со мной и проклятыми англичанами.Юбер беспомощно развел руками и сказал:– Пожалуйста, я сделаю, как вы просите... Вы сказали, Ганс Хебнер?– Да. И без глупостей.Он открыл дверь, но прежде чем выйти, обернулся и добавил:– Кстати, вы должны знать мое имя: Анжело Беллини. Судно «Св. Маргарита», мы вышли из Пирано, это территория Триеста. Понятно?Юбер повторил выученный урок:– Меня зовут Ганс Хебнер, я ученый-океанограф. Вас зовут Анжело Беллини. Судно «Св. Маргарита» вышло из Пирано, территория Триеста... У меня прекрасная память.Анжело Беллини закрыл дверь и удалился, не запевев ее на ключ. Юбер при желании мог бы выйти из своей камеры на палубу, предупредить англичан и спасти себя, так как он не верил угрозе Беллини подорвать судно.Но у Юбера не было желания делать глупости. Он добровольно пустился в эту безумную авантюру и совершенно серьезно надеялся довести ее до конца. Он улыбнулся при мысли, что Баг должен быть уже в Вашингтоне.Он представил себе лицо Смита, слушающего его рапорт...Он вернулся к иллюминатору. В шлюпке сидели трое вооруженных матросов и офицер. Шлюпка билась о корпус «Св. Маргариты».Юбер закрыл иллюминатор и вернулся на кушетку. Его подташнивало от качки и от нервного состояния. Чем может закончиться

этот досмотр? Несколько минут спустя в коридоре раздались шаги и в дверь постучали. – Входите! – крикнул Юбер по-немецки. Анжело Беллини открыл дверь и посторонился, пропуская вперед английского морского офицера, чопорного и надменного. Юбер спокойно поднялся с кушетки и сухо поприветствовал его. – Пожалуйста, предъявите свои документы, – заявил англичанин. Юбер невозмутимо сказал: – У меня их нет. Я забыл их в Пирано... Когда я это заметил, мы были уже далеко, и я не мог попросить Беллини развернуть «Св. Маргариту» из-за такого пустяка... Его чувственный рот насмешливо улыбнулся. После короткой паузы он мягко добавил: – Кроме того, я не должен вам ничего предъявлять. Насколько мне известно, это не ваши территориальные воды... Британский офицер поморщился. – Хорошо, – сказал он. – Что вы делаете на борту? – Ничего, – ответил Юбер. – Я океанограф... Сказав это, он разлегся на кушетке, давая понять, что разговор окончен. Офицер пробормотал что-то нечленораздельное, типа «фриц», и направился к двери, угрожающе сказав Беллини: – Мы последуем за вами, чтобы выяснить, куда вы направляетесь. Все это очень подозрительно... * * * Сумерки сгущались, когда «Св. Маргарита» входила в бухту Валона, окрашенную красным заревом заходящего солнца. На розовом фоне неба вырисовывался силуэт острова Сасено, который Юбер увидел через иллюминатор. Полчаса назад появление советской подводной лодки, приписанной к базе Валона, заставило развернуться английскую лодку, командир которой тотчас занес «Св. Маргариту» в черный список адмиралтейства. Юбера это абсолютно не волновало. К траулеру подошла самопilotируемая шлюпка. Юбер старался ничего не упустить из маневров, продолжавшихся около часа. Когда «Св. Маргарита» причалила в албанском военном порту, была уже ночь. После ухода англичан Анжело Беллини не запер дверь каюты на ключ, и у Юбера появилось желание подняться на палубу. Подумав, он решил подождать. Что касается информации о базе, предоставляемой Албанией Советам; то ЦРУ получало ее от своих агентов на месте. Спустя несколько минут в каюту спустился Беллини в сопровождении высокого

мужчины с суровым лицом, седыми волосами и красивыми зелеными глазами с длинными ресницами. Он сам представился:– Андрей Сурик. Очень рад с вами познакомиться, доктор Менцель. Юбер рассеянно пожал протянутую руку. Русский продолжал:– Вы можете взять ваш багаж. Вы выходите на берег. Юбер развел руками:– У меня нет багажа. Неожиданно он обратил внимание на свое отражение в круглом зеркале. Двухдневная щетина делала его похожим на бандита.– В таком случае, пойдёмте. Я распорядюсь, чтобы вас обеспечили всем необходимым. Юбер последовал за человеком, взявшим его на содержание. Они поднялись на палубу, слабо освещенную сигнальным фонарем. Над портом кружил самолет. Слева подъемный кран разгружал грузовое судно. Зажатый между холмами город освещался желтым ореолом огней.– Проходите здесь...Сурик говорил по-немецки безукоризненно. Он крепко взял Юбера под руку, чтобы проводить его по узкому трапу, связывающему судно с причалом.– Осторожно, доктор Менцель...Юбер усмехнулся при мысли, что его коллега опасается, как бы он не упал в воду. Они прошли, метров десять по причалу, где их ждал черный лимузин с включенным мотором. Сурик открыл дверцу и сел рядом с Юбером на заднее сиденье. Машина тронулась. Сурик участливо спросил:– Дорога не очень вас утомила?– Судно сильно качало, – ответил Юбер. – У меня морская болезнь...После короткой паузы Сурик сказал:– Хозяин судна рассказал мне о досмотре, произведенном экипажем английской подводной лодки...Юбер ворчливо заметил:– Они считают, что им все дозволено. Как будто им принадлежат все моря.Сурик искренне рассмеялся. Затем он переменял тему разговора:– Вы, наверное, проголодались. Мы перекусим перед дорогой...Юбер спокойно поинтересовался:– Куда мы едем?Русский так же спокойно ответил:– Сам не знаю. Нас ждет самолет...– Мне бы хотелось по крайней мере одну ночь провести на нормальной кровати, стоящей на твердом полу.– Я вас прекрасно понимаю, доктор Менцель. Извините, но программа составлена не мной. Я всего лишь исполнитель и подчиняюсь полученным приказам.– Я на вас не в обиде, – сказал Юбер. –

Более того, я нахожу вас приятным человеком. Я думал, что все русские – нецивилизованные дикари. Вы пока еще не украли мои часы и не вынули изо рта золотые коронки. Все это меня утешает...Сурик рассмеялся:– У вас прекрасное чувство юмора, доктор Менцель. Прошу прощения, что не встретил вас с ножом в зубах...– Да. Это непростительно. Опять утраченные иллюзии. А ваш возраст не является государственной тайной?– Пятьдесят один.– Я думал, вам сто лет. Недавно я прочитал в газете, что в вашей стране живет тридцать тысяч долгожителей, которым больше ста.Лицо Сурика посуровело:– Это правда. Наши газеты всегда пишут только правду.– У всех своя правда.Сурик вспыхнул:– Есть только одна правда.– Ваша?– Разумеется.Юберу не хотелось метать бисер. Зачем наживать врага? Спорить с коммунистом так же бессмысленно, как с протестантом-пуританином...– Я восхищаюсь вами, – сказал он. – Нет проблем, которые бы вы не решили, то есть ваши руководители.Машина на большой скорости пересекла город. Движения на улицах практически не было.В аэропорту Сурик повел Юбера в буфет, где они относительно неплохо подкрепились. Шофер, который их привез, куда-то исчез, но вскоре появился с чемоданчиком для Юбера.– Здесь сменное белье и предметы туалета, – сказал Сурик. – Наше путешествие продлится несколько дней, а вам необходимо побриться.Юбер провел рукой по своему подбородку:– Я хочу воспользоваться случаем, чтобы отрастить бороду. Я уже давно об этом мечтаю...– Как угодно, – сказал Сурик. – Лично меня это не смущает. Мы отправляемся через полчаса, так что если желаете, можете принять душ.– Прекрасно.Юбер поднялся с места и ничуть не удивился тому, что шофер последовал за ним.Это входило в правила игры.

3

Был поздний вечер. Через полчаса станет совсем темно.Лежа на удобном канapé напротив окна, Эстер Ламм впала в приятное забытье. Этажом выше Артур размышлял над продолжением своего романа: пишущая

машинка замолкла. Шум из кухни, где суетилась кухарка Мария, испанка по национальности, не доносился до гостиной. Окно выходило в сад, огороженный зеленой решеткой. На тихой улице все дома были похожи: красные крыши и широкие окна. Эстер закрыла глаза и мысленно вернулась в свой дом в Триесте, где она жила до сих пор. Столько событий за последнее время! Они переехали в США, так и не осознав до конца, что с ними случилось... Иногда Эстер было очень страшно. Она вздрогнула от автомобильного гудка. Открыв глаза, она увидела огромную черную машину, остановившуюся перед входом в сад. Из машины вышел Стефан Менцель и, неловко обернувшись, попрощался с шофером и своими телохранителями. Его шляпа упала на тротуар, он наклонился, чтобы поднять ее, и выпрямился с покрасневшим лицом. С бьющимся сердцем Эстер мило улыбнулась и снисходительно кивнула своей красивой головкой. Стефан был еще ребенком... несмотря на то, что считался одним из крупнейших ученых мира. Она наблюдала, как он шел по саду своей разболтанной походкой. У него была крупная голова с торчащими ушами, узкие плечи, редкие белесые волосы. С ранней лысиной, тонким носом, толстыми губами, бесцветными глазами, сутулый, плохо одетый Стефан Менцель никак не походил на первого любовника... Тем не менее он был Стефаном Менцелем, человеком необычайного интеллекта, робким, скромным, мягким и поразительно честным. Он с трудом открыл дверь дома, вывернув все карманы, чтобы найти ключ. Почему он не позвонил? Эстер сначала хотела попросить Марию, чтобы та открыла ему. Но затем передумала. Поскольку в гостиной не было света, он не видел ее из сада. Она услышала, как открылась и захлопнулась дверь, после чего он должен был повесить шляпу на крючок вешалки. До нее донесся его тихий, робкий голос:— Эстер... Эстер... Она хотела подразнить его и не отвечать сразу, но не выдержала:— Я здесь, Стефан... Он появился в дверях гостиной.— Можно, я зажгу свет?— Не стоит... Он быстро приблизился к ней и, обняв ее, сказал:— Эстер, я люблю тебя... Он повторял это при каждой встрече. Они поцеловались с закрытыми глазами. Затем он сказал:— Я хочу

сообщить тебе большую новость!.. У одного из моих коллег есть брат, костный хирург. Я разговаривал с ним сегодня о тебе. Завтра утром он осмотрит тебя. Он говорит, что сможет тебя прооперировать, и у тебя снова будет здоровая нога...Он удивился тому, что она никак не реагировала.— Ты не рада? — с беспокойством спросил он.Она посмотрела на него своими красивыми глазами:— Я... Я не знаю, Стефан... Действительно, я не знаю.Неожиданно она расплакалась, не понимая, почему возможность стать снова нормальной женщиной не доставляет ей радости.— Это глупо, — сказала она, — но я сделаю, как ты хочешь. Может быть, мы поженимся после операции?Он поспешно возразил:— Нет, нет, мы поженимся до этого, как можно быстрее.Из вестибюля послышался голос Марии:— Ужин подан.— Пойдем, — предложил Мендель.Он взял ее на руки и внес в столовую.В тот же момент спустился брат Артур. Высокий, стройный, с короткими светлыми волосами, он был одет в габардиновые брюки и белую шелковую сорочку с расстегнутым воротом на волосатой груди.— Привет, сестренка. Привет, Стефан. Я сегодня неплохо поработал. Не часто можно устроить себе каникулы за счет правительства.После их приезда в США один из сотрудников ЦРУ предупредил его, что некоторое время он должен будет оставаться под домашним арестом. Довольно неопределенное время...— Мне кажется, я поняла, почему нас посадили на карантин, — сказала Эстер. — Это продлится до тех пор, пока тот сумасшедший, отправившийся по другую сторону занавеса вместо Стефана, не вернется.Она представила себе решительное и энергичное лицо «сумасшедшего», и ее охватило приятное волнение. Она посмотрела на Стефана и улыбнулась ему. Она любила его. Тот, другой, был героем экрана, героем для молоденьких девушек, о котором можно мечтать, но который остается недостижимым...Артур пожал плечами.— Он не вернется, — сказал он. — Это невозможно. Им достаточно будет полчаса, чтобы понять, что он не разбирается в вопросе, и они его расстреляют...Эстер обдало холодом.— В таком случае наше положение незавидное. Нас найдут, чтобы расправиться с нами.Стефан спокойно и

убедительно возразил:— Я не согласен с Артуром. Благодаря его профессии Юбер обладает довольно широкими познаниями в физике и механике. Он может довольно долгое время водить их за нос. Единственная опасность, это... Стефан умолк и посмотрел на Эстер. Он не хотел пугать ее. Однако она настаивала:— Единственная опасность... Стефан продолжал:— Дело в том, что русские захватили из Гамбурга не только Крейсслера. Насколько мне известно, техников было трое, значит, остаются еще двое... и они знают меня...— И обнаружив подмену, донесут на него и разоблачат,— вставил Артур. Менцель возразил:— Не обязательно. Крейсслер, например, далеко не был конформистом, как мы. Он был убежденным нацистом.

4

В течение четырех дней Юбер спускался на землю только для того, чтобы поесть в ресторане и пересесть из одного самолета в другой. В обществе Сурика он перелетел Югославию, Румынию, Украину и всю территорию СССР с запада на восток. Сейчас они держали курс на Монголию. Юбер начинал сомневаться, что они когда-нибудь достигнут цели. Он полагал, что конечным пунктом будет сердце огромной России, тот небольшой участок, который не был еще в поле досягаемости для приборов ВВС. Но эту зону они уже пролетели... До Манаса, первой остановки в Синкьяне, они летели на обычных пассажирских самолетах. В Манасе их ждал военный самолет. Исходя из этого обстоятельства Юбер сделал два вывода. Первый — это то, что конец путешествия близок, а второй — что конечным пунктом будет пустынное место, в стороне от нормальных воздушных линий. Он отказался от предложенной ему Суриком сигареты и внимательно смотрел в иллюминатор. Под ним было восхитительное море облаков, из которых немного севернее выступали сверкающие вершины. Чудесное и зачаровывающее зрелище. Внезапно двигатели самолета смолкли, и он стал снижаться. Юбер инстинктивно взглянул на альтиметр, висящий над низкой дверью, ведущей в кабину пилота. Две

тысячи метров.Юбер повернулся к Андрею Сурику и спросил:– Мы прилетели?Сурик улыбнулся:– Скоро будем на месте.– Где мы находимся?– Над облаками, но это ненадолго...Юбер вздохнул. Он и не надеялся получить информацию. Он смотрел в иллюминатор. Альтиметр показывал полторы тысячи метров, когда самолет погрузился в густой туман и начал посадку вслепую.В кабине зажегся свет.Средняя высота высокогорных плато Синкьяна была около пятисот метров.Альтиметр показывал девятьсот... восемьсот... семьсот... шестьсот...Юбер заерзал в кресле и украдкой взглянул на Сурика, сохранявшего олимпийское спокойствие.Пятьсот... Четыреста...Самолет снижался под одним углом.Что-то сжалось в груди Юбера. Он начал нервничать.– Скажите, Сурик, вы не боитесь, что мы разобьемся?Русский загадочно улыбнулся:– Не беспокойтесь, доктор Мендель. Летчик знает свое дело.Немного успокоившись, Юбер сказал:– Надеюсь.Двести... Сто...Юбер облокотился на подлокотник кресла и сжал губы, не отрываясь глядя на стрелки альтиметра.Пятьдесят... Ноль...– Черт побери! – выругался Юбер.Внезапно он рассмеялся.– Это шутка! – крикнул он Андрею Сурику: – Альтиметр неисправен.Русский холодно посмотрел на него.– Наши приборы всегда исправны, – заметил он с некоторым раздражением в голосе. – И этот тоже исправен, я гарантирую.Самолет продолжал снижаться...Пятьдесят... Сто...Если верить прибору, то самолет находился сейчас на глубине ста метров ниже уровня моря!На глубине ста пятидесяти метров самолет вышел наконец из облаков. Пилот прибавил газа, и двигатели в течение нескольких секунд громко ревели.Юбер прилип к иллюминатору: внизу простиралась зеленая долина. По прямой бетонной дороге вереница грузовиков направлялась к большому городу с серыми и блестящими крышами домов. В поле, пересеченном бурным потоком, трактор тянул плуг. Тракторист приветливо помахал рукой пролетающему самолету, и Юбер, к своему удивлению, ответил ему.Затем начались огромные ангары с толевыми крышами, смотровая вышка, цементные полосы...Самолет выпустил шасси, подпрыгнул, затем плавно заскользил по бетону.Стрелка

на циферблате альтиметра показывала отметку «триста»...Самолет остановился. Двигатели загудели, и тяжелая машина повернула с большому железобетонному зданию, почти весь фасад которого был застеклен.— Где мы находимся?— спросил Юбер.— В трехстах десяти метрах ниже уровня моря,— ответил Сурик, которому доставляло удовольствие замешательство Юбера. Сурик встал, взял свой чемодан из сетки и жестом предложил Юберу последовать его примеру. Член экипажа вышел из кабины и, улыбнувшись Андрею Сурику, подошел к двери, чтобы выбросить металлическую лестницу.— Пожалуйста,— сказал Сурик Юберу. На аэродроме царило большое оживление. На одной из взлетных полос шесть грузовых самолетов были готовы к взлету. Множество самолетов стояло вокруг ангаров. Юбер следовал за Суриком к зданию из стекла и бетона. Они вошли в просторный холл, в котором толпились военные. Были среди них и желтолицые, с раскосыми глазами, в основном офицеры низшего звания. Сурик провел Юбера в отделение Службы безопасности, где суетилось около десяти сотрудников. У Юбера неожиданно для него самого остановилось сердце. Сурик доложил по-русски:— Капитан Андрей Сурик прибыл. Из-за стола поднялся человек с красным лицом и сонным взглядом.— Так точно, капитан. Мы получили приказ относительно... Он указал пальцем на Юбера:— Это пленник, которого вы привезли? Слово «пленник» неприятно резануло слух Юбера. Андрей Сурик поправил:— Речь идет об иностранном ученом, который будет работать в наших лабораториях и не может рассматриваться как пленник. Он приехал сюда по доброй воле. Человек с красным лицом не понимал оттенков. Он продолжал:— Я как раз это и имею в виду, капитан. Он вынул лист бумаги из картонной папки и положил его на стол перед Суриком:— Распишитесь здесь, капитан. Укажите дату и время вашего прибытия... Сурик подписал. Сотрудник добавил:— Машина ждет во дворе. Я провожу вас. Они пошли по широкому коридору, в который выходили застекленные двери с номерами комнат. Во дворе стояло много машин, почти все советские зисы. По знаку провожавшего их функционера

к ним подъехали три автомобиля. Два из них были битком набиты людьми в форме, в третьем не было никого, кроме шофера. Сурик и Юбер сели на заднее сиденье. Конвой тронулся.— Зачем это сопровождение? — спросил Юбер. — Я же бежать не собираюсь. Я мог бы сделать это раньше. Или в районе беспорядки? Сурик строго посмотрел на Юбера.— В нашей стране никогда не бывает беспорядков, — сухо сказал он.— А мы находимся на территории СССР? Мне показалось...— Вы правы. Мы находимся в Синкьяне, но это не имеет значения. Этот эскорт означает лишь проявление почтения к вашим заслугам, доктор Менцель. Юбер не мог сдержать улыбки.— Я польщен, — вымолвил он. Они ехали по шоссе с односторонним движением в направлении к городу. По дороге Юберу удалось прочитать на указательном щите: «Турфан — 3400 метров». Он повторил про себя это слово — Турфан. Он вспомнил. Теперь он знал, где находится. Впадина Турфан, самая низменная часть суши на земле (триста метров ниже уровня моря) находится, насколько он помнил, к востоку от Синкьяна, в трехстах-четырехстах километрах к западу от китайско-монгольской границы. Простирается она на сотню километров с севера на юг. В центре находится озеро, название которого он не помнил. Впадина всегда затянута облаками. Идеальная база для тарелок, если таковые существуют... Они въехали в город по широкому проспекту. Сирена головной машины освобождала для них проезд. На всех перекрестках стояли регулировщики в белой форме. Многочисленные сады представляли собой зеленые оазисы. Красивый город, образец новой советской архитектуры. Конвой внезапно остановился перед большим административным зданием с военной охраной. Сурик сказал Юберу:— Оставьте чемодан в машине. Мы здесь долго не задержимся. Они поднялись по ступенькам из розового мрамора. Сурик показал пропуск церберам, стоявшим у входа в холл с тяжелыми колоннами псевдоклассического стиля. Человек в темно-синей форме МВД проводил их до лифта, поднявшего их на пятый этаж. В приемной стояли удобные металлические кресла и журнальные столики, заваленные агитационной

литературой. Юбер нервничал. А что, если в КГБ была фотография или просто описание внешности настоящего Стефана Менцеля? Через некоторое время их пригласили в кабинет. Человек в белом халате обратился к Менцелю, но тот молчал. Сурик сказал:– Доктор Менцель не говорит по-русски. Это было верно в отношении настоящего Менцеля, но не для псевдоученого. У Юбера перехватило дыхание при виде антропометрических и судебных материалов. «Через двадцать минут, – подумал он, – картотеки СССР пополнятся описанием моей внешности под именем Стефана Менцеля. О'кей». Человек в белом халате пригласил его к фотоаппарату. Фото анфас и в профиль. Антропометрическое измерение и неизбежные отпечатки пальцев... Досадно. Когда все было кончено, Юбер удивился, что ему не задали ни одного вопроса относительно даты и места рождения либо других интимных вещей. Но при виде внушительной карточки, заполненной на его имя, он понял: все сведения о нем были уже собраны. Он вымыл руки и вышел вслед за Суриком. Сурик неожиданно стал холодным и далеким. Юбера охватило тревожное предчувствие, но он старался не показывать своего беспокойства. Сурик натянуто улыбнулся:– Дальше вы пойдете один, доктор Менцель. Раздался звонок, и сопровождающий сделал знак Юберу. Отступить было некуда. Он последовал за охранником в большой кабинет, где его поприветствовал мужчина в штатском, высокий и широкоплечий, с бычьей головой и злым взглядом. В углу кабинета стояли двое вооруженных военных, с нацеленными на Юбера автоматами. Он понял, что дело плохо. Неужели это конец? У типа в штатском был громкий и хриплый голос:– Я старший политрук Борис Черкесов. Доктор Стефан Менцель, вы арестованы по обвинению в умышленном убийстве вашего соотечественника фон Крейсслера... Юбер с облегчением вздохнул. Ах, вот в чем дело...

5

Большая застекленная дверь распахнулась, чтобы пропустить каталку, на которой лежала еще не проснувшаяся Эстер Ламм. Бетти Вуд, медсестра,

вытолкнула каталку из лифта и покатила в палату пациентки. Гарри, санитар, ждал ее в палате, чтобы переложить Эстер Ламм на кровать. Гарри приподнял простыню, прикрывавшую лицо больной, и присвистнул:— Очень хорошенькая. Он вспомнил о присутствии Бетти и тут же добавил:— Но ты лучше. Он обхватил ее за талию и попытался поцеловать. Она резко высвободилась:— Ты совсем рехнулся, Гарри. Схлопочешь у меня... Гарри стал укладывать шины, чтобы переложить больную на кровать.— Как прошла операция? Шеф доволен? Помогая ему, Бетти твердо сказала:— Прекрасно! Патрон в восторге. Видел бы ты его с большим резцом в руках. Даже искры сверкали... Правда, он, может быть, старался из-за репортера, находившегося там... Гарри с любопытством спросил:— И репортер даже не отвернулся? Они затянули ремни. Безжизненное тело Эстер Ламм переместилось на кровать. Из ее бескровных губ послышался сдавленный стон.— Ей больно,— заметил Гарри. Бетти пожала плечами:— Она проснется только через полчаса.— Ну и что этот репортер...— Их было двое: репортер и фотограф. Фотограф снимал всю операцию. Его особенно заинтересовало бедро из пластика.— Им что, делать нечего? Она с сожалением посмотрела на него:— Когда ты увидишь снимки в журнале, ты поймешь. После короткой паузы она добавила:— Это для журнала «Лайф».— Вот те на!— удивился Гарри. Эстер лежала на кровати. Они сняли шины и натянули простыни.— Она иностранка,— прошептала Бетти.— Кажется, австрийка. Брат шефа — ее знакомый. Похоже, что ее изувечили фрицы. Гарри снова пришел в восторг:— Я не против иммиграции, если бы все они были такими хорошенькими и стройными. Ты знаешь, почему я это говорю? Она процедила сквозь зубы:— Мне безразлично.— Дело в том, что такие девушки, как ты, не добры ко мне. Разве я неприятен тебе? Она пожала плечами:— Бедняга! Если я буду спать со всеми, кто мне приятен, то мне не хватит на это всей жизни. Он зажал ее между стеной и кроватью и попытался привлечь к себе.— Допустим. Но тебе ведь не все это предлагают. А я умею быть благодарным... Она стояла прямо, напряженно,

но не пыталась высвободиться. Осмелев, он стал ласкать ее грудь.— Если у нас все сладится, мы могли бы и пожениться...Она удивилась:— Я думала, что ты уже женат.Он смутился и пробормотал:— Э-э... Откуда ты знаешь? Кто тебе это сказал? Ну и что? Разве не существует развода?Он поцеловал ее в шею. Но она продолжала допрос.— А твои дети? Они будут жить с нами?— спросила она медовым голосом.Он ответил бесхитростно:— Разумеется, дорогая. Это будет чудесно!Он закрыл глаза, чтобы поцеловать ее, но вместо губ получил пощечину.Она оттолкнула его, указав на дверь:— Убирайся! И поищи няню детям в другом месте.Он вышел, хлопнув дверью.Бетти беглым взглядом оглядела палату, чтобы удостовериться, что все в порядке. Ее дежурство было закончено. Гарри будет дежурить ночью и каждые пять минут заходить в палату и наблюдать за больной.Она вышла из палаты, тихо прикрыв за собой дверь, спустилась в гардеробную медсестер и переоделась.Пройдя по улице шагов десять, она почувствовала, что кто-то схватил ее за руку. Обернувшись, она узнала нахала.— Вы? Что вы хотите?— Меня зовут Джерри Робин. Я знаю, что вас зовут Бетти Вуд. Вы очень стройны.— Я знаю. Мне только что об этом сказали.— Возможно. Куда мы идем?— Я иду домой, оставьте меня в покое.— Я вам неприятен?— Нет. Мне не нравятся крутые мужчины, как вы. Волосатые и с огромной челюстью.Он (Остановился и серьезно посмотрел на нее. Затем, понизив голос, спросил:— Если я вам не нравлюсь, то, может быть, вы любите деньги?Она недоверчиво сказала:— Я честная девушка.— Я в этом не сомневаюсь,— заметил журналист. — Я тоже честный человек.Она нетерпеливо сказала:— Я спешу...Он остановил ее и объяснил:— Я бы хотел сфотографировать в палате женщину, которую сегодня оперировали...— Зачем? Я не понимаю. Во время операции вы сделали снимков тридцать...— Да. Но я хотел бы снять ее в кровати, чтобы сделать «шапку».— Что?Он пожал плечами и пояснил:— Шапку. Это журналистский термин. Снимок для иллюстрации заголовка.Бетти широко открыла глаза, затем спросила:— Сколько вы мне хотите заплатить?Он ответил после минутного колебания:— Десять

долларов. Она возмутилась:— Вы сумасшедший! Я рискую потерять место. Всего хорошего. Он догнал ее.— О, извините! Я не знал, что вы рискуете местом. Это все меняет. Он сделал вид, что задумался, и предложил:— Сто долларов. Она повернулась к нему спиной. Он схватил ее за руку:— Двести долларов.— Это мне нравится больше... Он потащил ее обратно в клинику.— Не спешите, молодой человек. Я очень любопытна... Если вы честный человек, то почему вы обращаетесь ко мне и предлагаете двести долларов? Вы ведь в хороших отношениях с патроном. Почему вы не попросили у него разрешения на этот снимок? Вам бы это ничего не стоило... Он смутился:— Чтобы быть честным до конца, я скажу, что я спросил у него разрешения, но он отказал мне... Бетти иронически улыбнулась:— И после этого вы предлагаете мне двести долларов, чтобы я сделала то, что не угодно шефу? Он сухо сказал:— Простите меня, но я не дурак... До свидания. Теперь она схватила его за руку:— Не горячитесь, юноша. Не выпуская его руки, она быстро соображала. Двести долларов — значительная сумма. Главное, чтобы никто не узнал...— Послушайте, этот снимок появится, и его все увидят! Значит, об этом станет известно. Если вас спросят, как вы его сделали, что вы ответите?— Я вас не знаю, — сказал он. — Кроме того, вы уже закончили дежурство. Я сам вошел в палату и сделал его, когда там никого не было. Бетти пристально посмотрела на него.— О'кей, — решила она. — Договорились. Деньги вперед. Он достал бумажник и отсчитал сто долларов:— Половина вперед, остальное потом. Она согласилась. Они вернулись к клинике и обошли ее с узкой улицы, на которую выходил служебный вход, никем не охраняемый. Затем они поднялись по темной лестнице. Она дала ему инструкции:— Палата шестьдесят четыре, четвертая справа. Я пойду первая и отвлеку дежурного. В вашем распоряжении пять минут, за дальнейшее я не отвечаю. Дайте мне сейчас вторую половину... Я не хочу выходить отсюда с вами. Он протянул ей сто долларов.— Смотри, без глупостей, — предупредил он. Она взяла деньги и положила их в сумочку. После этого она осторожно открыла дверь и осмотрела пустой коридор.— Четвертая

дверь справа, – повторила она шепотом. – Подождите две минуты. Если я не вернусь, все о'кей. Гарри сидел в маленькой комнате дежурных и читал научную фантастику. Увидев Бетти, он удивленно присвистнул. – Гарри, – смущенно начала Бетти, – я... я сожалею о... пощечине. Она вошла в комнату, закрыла дверь и оперлась на стол, за которым сидел санитар. – Но это по твоей вине. Не надо было говорить о женитьбе. Я ведь не ребенок... Он медленно закрыл книгу, не забыв, однако, заметить страницу: – Согласен, я был неправ. Но я думал, что ты хочешь замуж... Она опустила глаза: – Я не так уж горю желанием... Я люблю удовольствие... Если бы ты был половчее... Он отодвинул стул и хотел было подняться. Она быстро села к нему на колени. Нужно было во что бы то ни стало удержать его в течение пяти минут. Лишь бы он не дал волю своему темпераменту... Он взял ее за плечи и пролепетал, покраснев: – Ты хочешь сказать, что ты согласна? Она решила, что ей нужно как можно больше говорить, чтобы сдержать его порыв. Но он не дал ей времени на размышление. Его губы впелись в ее рот, в то время как он переворачивал ее на спину... Она не могла высвободиться из его объятий так, чтобы, не рассердить его. Она подняла глаза на висящие на стене часы. Прошло четыре минуты. Во всяком случае, ей не угрожала смертельная опасность и за двести долларов она могла потерпеть... В эту минуту Джерри Робин выходил на улицу, сжимая в руке фотоаппарат. Он добился своего. Гарри тоже.

6

Юбер находился в скверном расположении духа. Уже три дня он сидел в камере после того, как советский трибунал приговорил его к десяти годам лишения свободы. Он кусал локти за свое безрассудство, бросившее его в эту авантюру. После убийства Крейсслера в маленьком доме в Триесте ради спасения жизни Эстер Ламм он решил использовать сложившуюся ситуацию и выдать себя за Менцеля тем, кто хотел похитить немецкого ученого. Он не думал тогда, что русские призовут его к ответу за смерть

человека, быть может ценного, но вполне заменимого. Разве талант Менцеля не ставил его выше правосудия? Для своего оправдания Юбер выдвинул мотив убийства из ревности. Он утверждал, что несколько лет назад, в Гамбурге, Крейсслер злоупотребил доверием его невесты, которая в отчаянии вынуждена была покончить с собой. Он, Мендель, поклялся тогда отомстить Крейсслеру и ни о чем не сожалеет, разве лишь о том, что не сделал этого раньше. «Десять лет лишения свободы», – приговор еще звучал в его ушах. Час назад тюремщик принес ему обед и полунамеками дал понять, что завтра его отправят в один из таинственных лагерей, по поводу которых было пролито столько чернил во всем мире. Печальный конец! Он выругался сквозь зубы и сжал кулаки. Он был пойман в капкан, как крыса. Но крысам иногда удается бежать – тем, у кого достаточно крепкие зубы, чтобы перегрызть железные прутья решетки... У Юбера были крепкие зубы... Он решил бежать. Это было в общем выполнимой задачей. Настоящие трудности начнутся за пределами этих стен, в центре почти пустынной страны, за тысячу километров от границ, перейти которые было практически невозможно. Он должен будет найти средство передвижения – проникнуть в поезд, угнать самолет, грузовик или что-то в этом роде. Он рассмеялся, осознавая, что его план безнадежен. Тем не менее он решил попытаться: не мог же он в самом деле кончить свои дни в трудовом лагере. Лучше погибнуть при попытке к бегству. Он в глубоком раздумье лег на соломенный тюфяк, заложив руки за голову. Ему удалось выдать себя за чудаковатого ученого, не способного ни на какие решительные действия. Вероятно, по этой причине тюремщик, приносящий ему еду, не предпринимал никаких мер предосторожности, входя в его камеру и оставляя всегда дверь открытой. Юберу легко будет оглушить его, переодеться в его форму, взять ключи и выйти. Слава Богу, он находится не в настоящей тюрьме, а лишь в здании трибунала, оснащенном камерами для предварительного заключения. Нет бронированных дверей и охранников на каждом шагу... Проще простого. А дальше будет видно.

Он полагался на вдохновение. Он расслабился и заснул, накапливая силы для решительного действия.* * * В двери повернулся ключ. Юбер приподнялся, приготовившись к молниеносному прыжку при первом благоприятном моменте. Сквозь полузакрытые веки он видел вошедшего с котелком тюремщика. Из коридора не доносилось никаких звуков. Повернувшись к нему спиной, охранник ставил ношу на деревянный столик, привинченный к полу. Юбер с ловкостью хищника бросился на спину охранника, не успевшего сообразить, что произошло... Нажав на сонную артерию, Юбер прекратил доступ крови к мозгу несчастного малого, и тот мгновенно потерял сознание. Юбер уложил его на пол, закрыл дверь и вернулся к своей жертве, чтобы ее раздеть. Форма подходила ему по размеру, только ботинки оказались велики. Юбер надел на голову фуражку, застегнул ремень, вынув намеренно из кобуры наган, чтобы не искушать судьбу и не стрелять в случае необходимости. На границе, если понадобится, он пустит в ход все средства, но сейчас главное – это осторожность и чувство меры... Он разорвал сорочку охранника, чтобы сделать из нее веревки и связать его. Оставив безжизненное тело охранника на полу, Юбер осторожно открыл дверь и выглянул в коридор. Надо во что бы то ни стало избежать любых встреч. Штат трибунала был немногочисленным, и наверняка здесь все друг друга знали. Черт возьми! Борода! Юбер забыл о ней. Он не знал, разрешено ли уставом МВД носить бороду. Ему не доводилось встречать бородатого милиционера... Он вышел в коридор. Было уже поздно, и все кабинеты были закрыты. Он спустился по узкой лестнице на первый этаж в надежде найти открытый и неохраняемый выход. Может быть, использовать окно? Почему бы и нет? Наткнувшись на дверь кабинета, он попытался ее открыть, но она оказалась запертой на ключ. Он вспомнил о своей связке и вошел в темную комнату, заставленную письменными столами и полками с папками. Заперев дверь, он подошел к окну. Ему повезло: решетки на нем не было, и оно легко открылось. Он выглянул на улицу. Там было полно народу. Что делать? На одном из столов лежал складной

метр, и его осенила гениальная мысль. Он взял метр, подставил стул к окну и принялся измерять окно в ширину и в высоту. Люди не обращали на него внимания. Тогда он перегнулся через подоконник, чтобы измерить расстояние от окна до тротуара. Ему не удалось это сделать, и он выругался. Он спокойно вылез в окно и спустился на тротуар. Сделав необходимые измерения, он сложил метр, сунул его в карман мундира и с невозмутимым видом направился к входу в здание. Никто не обратил на него внимания, кроме двух девушек, посмеявшихся над его бородой. Он хотел подойти к ним, чтобы под их прикрытием удалиться от Дворца правосудия. Пока он собирался это сделать, девушки на ходу вскочили в отъезжающий автобус. Внезапно он заметил идущих ему навстречу двух милиционеров в темно-синих формах. Надо уйти от «коллег»... Он быстро перешел на противоположную сторону улицы и остановился перед витриной мясного магазина. «Коллеги» тоже остановились на другой стороне улицы и с любопытством смотрели на него, переговариваясь между собой. Юбер спокойно пошел по улице, с интересом разглядывая каждую витрину. Перекресток. Он обернулся и заметил, что двое «коллег» следуют за ним. Плохо. На улице зажглись фонари. Куда идти? Что делать? Как уйти от ищеек? Мимо него проехал битком набитый троллейбус, с висящими на подножке людьми. Юбер неожиданно побежал за троллейбусом и зацепился за вертикальную перекладину у задней двери. Со ступеньки он с трудом протиснулся на площадку, оставив ошеломленных милиционеров на тротуаре. Желательно, чтобы следующая остановка была как можно дальше... Юбер с облегчением вздохнул, но тут внезапно сзади него раздался громкий, хриплый и знакомый голос, спросивший по-немецки:— Доктор Менцель? Каким ветром вас сюда занесло? У Юбера остановилось сердце. Тем не менее он заставил себя обернуться и с некоторым раздражением задал встречный вопрос:— Какого черта вы не пользуетесь машиной, как все? Троллейбус остановился. Старший политрук Борис Черкесов взял Юбера под руку и вежливо, но твердо сказал:— Мы выходим здесь. Я вас провожу,

разумеется...— Очень любезно с вашей стороны,— заметил Юбер. Они спустились на тротуар. Вокруг было много народу, и Юберу захотелось воспользоваться этим и, создав толчею, убежать. Но что это даст? Будет объявлена тревога, и ему не удастся далеко уйти. Почти под каждым фонарем стоял милиционер в форме или в штатском. Турфан был центром закрытой зоны. Лучше попробовать сыграть, тем более что у старшего политрука было чувство юмора.— Вы мне, конечно, не поверите,— начал Юбер,— но я как раз вас искал. Мой охранник неожиданно плохо себя почувствовал... Правда, оказалось, ничего страшного, временное недомогание, но тем не менее я хотел вас об этом поставить в известность. Он сам мне сказал: «Доктор Менцель, наденьте мою форму и отправляйтесь на поиски старшего политрука Бориса Черкесова. Скорее всего вы найдете его в троллейбусе. Он обожает этот вид транспорта и проводит в нем большую часть своего времени. Разумеется, после окончания работы...» Огромное тело Черкесова сотрясало от хохота. Его бычьи глаза превратились в узкие щели. Сквозь смех он сказал:— Именно так я и думал. Но идемте, я думаю, что охранник уже заждался. По злому блеску в его глазах Юбер понял, что охранник может лишиться звездочки. Черкесов повел его пешком к центру города, и Юбер поинтересовался:— Разве мы не возвращаемся во Дворец правосудия?— Нет,— ответил Черкесов.— Вы расстроены? Мне показалось, что вы хотите немного подышать свежим воздухом... Юбер поморщился:— Да, разумеется. Над городом спустилась ночь, но вершины Богдула еще отражали свет. Город был хорошо освещен, ломившиеся от продуктов магазины открыты. Прохожие казались веселыми; они были одеты бедно, но опрятно. Наконец Черкесов остановился перед недавно построенным большим зданием с колоннами, в котором размещался местный военно-промышленный комплекс.— Проходите,— пригласил он Юбера. Юбер вошел в дверь вслед за Черкесовым. По длинному коридору они дошли до кабинета Черкесова. Обстановка кабинета была скромной. В центре письменный стол, вокруг которого стояли обтянутые кожзамени-

стулья. На стене портрет Мао, единственная деталь, напоминающая о том, что они находятся в Народном Китае.— Садитесь, — предложил Черкесов. Юбер снял с головы фуражку. Черкесов взял ее в руки и положил на ящик картотеки.— Вы не прихватили с собой случайно револьвер охранника? Я вижу, что кобура пуста, но...— Я оставил его в камере, — заверил Юбер. — Я против кровопролития. Я не стал бы стрелять даже в целях самозащиты. Черкесов насмешливо улыбнулся:— Случай с Крейсслером этого не подтверждает. Юбер сжал зубы.— Это совсем другое. Он сломал мою жизнь. Я должен был отомстить. Черкесов сел за стол и пристально посмотрел в глаза Юберу:— Теперь поговорим серьезно.— Охотно, — мягко сказал Юбер.— За убийство Крейсслера вы приговорены к десяти годам лишения свободы, и это справедливо. Но в нашей социалистической стране нет тюрем, как антидемократических заведений. Наши заключенные приговариваются к принудительному труду на заводах и стройках и приносят пользу обществу. Речь идет не о наказании, а об искуплении вины... Вам понятно?— Совершенно, — ответил Юбер, не испытывая ни малейшего желания дискутировать.— Таким образом, вы приговорены к десяти годам принудительного труда. В принципе вас должны были отправить на строительство дорог или в рудники... Он сделал паузу, с удовольствием наблюдая за реакцией Юбера, демонстрировавшего тревогу, которой он вовсе не испытывал.— Однако, — продолжал Черкесов, — мы прекрасно понимаем, что использовать вас на грубых строительных работах было бы неразумно. Поэтому я делаю вам следующее предложение: работать в лаборатории по заданной нами тематике. Юбер сделал вид, что в нем происходит глубокая внутренняя борьба. Наконец он пробормотал:— Я должен подумать... После ужасной катастрофы, которую пережила моя страна, я стал убежденным пацифистом и не хотел бы, чтобы моя работа была использована в военных целях... Черкесов тяжело вздохнул. Юбер легко мог себе представить, с каким трудом он сдерживал себя, чтобы сохранять спокойствие. Старший политрук продолжал:— Вы прекрасно знаете, что

СССР – это единственная страна в мире, которая действительно хочет мира. Это бесспорный факт, и я не понимаю, как можно сомневаться в наших целях. Американцы готовят агрессию против нас. Они жаждут крови и всемирного господства. Впрочем, им нужна война, чтобы выйти из царящей там нищеты. Юбер широко открыл глаза и лицемерно спросил:– Вы были там? Представляю, каких ужасов вы насмотрелись... Черкесов, ничуть не смутившись, возразил:– Я там не был и не испытываю ни малейшего желания поехать в эту страну. Но я ежедневно читаю объективные репортажи в газете «Правда». Наша пресса, в отличие от продажной капиталистической... Юбер подумал: «Нас разделяет непреодолимый барьер, так как каждый уверен в своей абсолютной правоте». Черкесов не был циничным конформистом, он был искренне убежденным человеком, а значит, заслуживал либо уважения, либо сожаления. Юбер мягко ответил:– Впрочем, вы немного ушли от темы. Речь шла о выборе между Сибирью и какой-нибудь лабораторией. Взвесив все, я считаю...– А я-то хотел вас убедить! Если бы нас не разделяли политические убеждения, мы могли бы быть друзьями. Юбер беспомощно развел руками:– Я физик и ничего не понимаю в политике, извините меня. Сибирь меня пугает, я говорю об этом без стыда. Я выбираю лабораторию... Черкесов встал, взял пачку сигарет и предложил Юберу. Тот отказался, Черкесов закурил сигарету и снова сел.– Это очень ответственный выбор, доктор Менцель. Перед вами будет поставлена совершенно определенная задача. Если вы с ней не справитесь, вы немедленно окажетесь в Сибири. Ваша работа постоянно будет контролироваться. Юбер вставил дрожащим голосом:– Я именно так себе и представлял мою работу в лаборатории. Черкесов сделал несколько затяжек и продолжал:– Я объясню вам в двух словах, чего мы ждем от вас. Вы являетесь специалистом в области сопротивляемости сплавов высоким температурам. По нашим сведениям, вам первому удалось получить формулу бориды циркония, который выдерживает температуру в три тысячи градусов и используется как ракетное топливо. Наши ученые

пытаются найти сплав, который мог бы выдержать пять тысяч градусов. Юбер осторожно заметил:– Мне кажется, что сегодня это невозможно. Нам потребуются для этого не месяцы, а годы. Черкесов разочарованно возразил:– Мы не можем ждать так долго. Юбер вздохнул:– Я не волшебник... Черкесов погасил сигарету.– Мы не требуем от вас чуда. Наши разведывательные службы получили формулу нового металла, тоже на базе циркония, который мог бы иметь необходимые нам свойства. Юбер удивленно спросил:– В таком случае, я не понимаю, зачем я вам нужен? Черкесов улыбнулся:– Минуточку терпения. Эти формулы были разработаны одним немецким ученым, который записал полученные результаты довольно странным способом. Мы до сих пор еще не расшифровали его иероглифы...– А что говорят ваши шифровальщики?– Речь идет о необычном коде: личном, индивидуальном, который часто придумывают для себя старательные студенты для записи лекций. Юбер понимающе кивнул:– Почему вы не похитили самого составителя этих ребусов? Лучше, чем он, никто не объяснит вам их. Черкесов закурил новую сигарету.– В настоящий момент это нереально по причинам, которые я воздержусь объяснять. Поэтому мы и подумали о вас. Вы тоже немец и получили такое же образование, как и ваш коллега, поэтому вам нетрудно будет расшифровать его записи, тем более что вы лучший специалист в этой области. Юбер охотно согласился:– Я попытаюсь, но мне понадобятся для этого разумный срок и соответствующие средства. Черкесов просиял:– Я был уверен, что вы согласитесь. Мы предоставим вам все необходимые средства: самую современную лабораторию, лучших ассистентов... Юбер предпочел бы обойтись без ассистентов.– Мне кажется, – продолжал Черкесов, – что вам достаточно будет недели. Юбер не мог опомниться:– Недели! Но это совершенно нереальный срок для такой работы...– У нас нет времени, – упрямо настаивал Черкесов. Юбер предложил компромисс:– Пока я не увижу эти формулы, я не могу ничего сказать. Хватит мне недели или нет, я смогу сказать только после того, как с ними ознакомлюсь.– Хорошо, –

сказал Черкесов, вставая. – Вы еще не ужинали, как я догадываюсь?– Нет, я не успел, – честно ответил Юбер.Зазвонил телефон, и Черкесов снял трубку:– Алло! Я слушаю. Что? Что вы говорите? Менцель сбежал? Он оглушил охранника? Связал его?.. Кляп во рту?.. Не взял револьвер? Да, срочно объявите тревогу. Он должен быть найден до завтрашнего утра. Он не мог уйти далеко... Держите меня в курсе.Он повесил трубку и расхохотался, хлопая себя по ляжкам. Наконец, успокоившись, Черкесов взял беглеца под руку:– Я приглашаю вас на ужин. Со мной вы ничем не рискуете. А эти лодыри пусть побегают, им будет полезно... Я уверен, что к утру они представят десяток Менцелей.Они вышли из кабинета.

7

В Триесте шел дождь. Выйдя из машины, Хирурго подумал, что в день похищения немецкого ученого стояла такая же мерзкая погода.Он быстрым шагом направился к вилле, стараясь увернуться от порывов ветра с дождем.Войдя в виллу, он запер за собой дверь, снял плащ и поежился от проникающей в дом сырости.Он прошел на кухню, налил себе рюмку виски и залпом выпил ее. Приятное тепло медленно разлилось по телу. Он посмотрелся в висящее над раковиной зеркало, в котором увидел круглое и красное лицо с большими черными усами, темными глазами, крупным носом с бородавкой на левой ноздре, тонкими губами, небритыми и дряблыми щеками.Он тяжело вздохнул. Если бы у него было время, он бы уделял себе больше внимания...Он выглянул в окно: ветер сгибал деревья, а по центральной аллее текли потоки воды.Отвратительная погода, вызывающая хандру. Хирурго ничто не любил так, как солнце.Он поднялся в кабинет, окна которого выходили во двор. Увидев машину, он подумал, что продолжительный душ вряд ли пойдет ей на пользу, но у него не хватило мужества выйти под дождь и переставить машину.На столе лежала стопка газет и журналов, приготовленная его секретарем. Он уже все просмотрел и подчеркнул для Хирурго красным карандашом места, касающиеся Италии или

представляющие общий интерес. Хирургу не спеша набил табаком трубку и раскурил ее. У него был сплин. И все из-за этой чертовой погоды. С тех пор как он поселился в Триесте, он не мог припомнить хорошего денька. Он сел за стол и без особого интереса стал просматривать газеты. Несколько раз он поймал себя за чтением комиксов, в то время как ему следовало бы читать статьи, отмеченные красным карандашом. Какая гнусная погода! Машина наверняка вся проржавеет... Он отложил в сторону реакционную итальянскую газету и открыл первую страницу «Лайфа». Красивая страница, ничего не скажешь. Эти люди умеют привлечь внимание. Великолепная цветная фотография изображала белокурую молодую женщину на больничной кровати. Хирургу уже собирался перевернуть страницу в поисках подчеркнутых статей, как что-то сработало в его памяти. Он знал эту женщину, он ее видел раньше, но где? Может быть, это актриса? Для очистки совести он решил прочитать текст под снимком, который отсылал на страницу восемнадцать. Речь шла о сенсационном репортаже о костной хирургии, иллюстрированном многочисленными снимками, сделанными во время операции на бедре. Молодая женщина, имя которой не называлось, была изуродована нацистами. Хирург заменил поврежденную коленную чашечку другой, из пластика, присоединив ее к шейке бедра, и восстановил сустав. Через две недели, утверждал репортер, она сможет ходить как все. – Черт побери! – воскликнул Хирургу, не веря своим глазам. – Ведь это же сестра журналиста, который вывел нас на немецкого ученого! Как же его зовут? Ламб, Ламм... Да, Артур Ламм. А сестру – Эстер. Он снова посмотрел на снимок на обложке. Фотограф снимал больную спящей. Она была не только красивой, но и мужественной, не то что эти самки, которые визжат как резаные при малейшей опасности... Когда Хирургу объявил ей, что ее брат умрет, если им не выдадут Стефана Менцеля, она не стала закатывать истерики, как другие, а спокойно начала переговоры. Он испытывал к ней уважение... Он вернулся на страницу восемнадцать и перечитал текст. Операция проходила в одной из клиник Лос-Анджелеса в

Калифорнии. Как и почему Эстер Ламм оказалась в США? Любопытно...Если допустить, что она попросила временную визу для операции, то американцам ничего не стоило выйти на нашумевшее дело Менцеля... Артур Ламм написал статью, появившуюся во всех газетах мира; правда, четыре дня спустя, по специальной просьбе Хирурга, ему пришлось написать опровержение. Тогда Менцель был уже в руках Хирурга. Во всяком случае, Ламм должен казаться довольно подозрительным американцам, а вместо этого ему предоставляют визу. Странно...Может быть, это не Эстер Ламм? Он отложил «Лайф» в сторону, чтобы просмотреть прессу, но его взгляд приковывал снимок на обложке журнала. Хирурго решил прояснить этот вопрос. Он встал, спустился на первый этаж, надел плащ и вышел из виллы, тщательно заперев дверь. Он опасался, что однажды в его отсутствие его посетят парни из мафиозных кругов...С моря дул сильный соленый ветер, и дождь продолжал хлестать как из ведра. Вода проникла даже внутрь машины. Он вздрогнул от ледяной капли, попавшей ему за воротник. Зажигание, стартер. Заревел мотор, заработали дворники...Дом Ламмов находился на виа Маркони, неподалеку от городского сада. Он не помнил номера, но он узнает дом. Тучи так низко повисли над городом, что было уже совсем темно, несмотря на то что до вечера оставалось еще несколько часов. Хирурго казалось, что он добирался до виа Маркони целую вечность. На повороте с виа Джулия его окатил автобус, и он обругал шофера. Он узнал дом, остановил машину, выключил зажигание, снял ногу с акселератора. К дому номер девятнадцать подходил невысокий, коренастый, широкоплечий мужчина в американском плаще и берете. Хирурго затаил дыхание. Он увидел, как парень открыл решетчатую дверь, закрыл ее, пересек двор и поднялся по ступенькам лестницы. Мужчина обернулся, прежде чем войти в дом, и, казалось, стоящая машина привлекла его внимание. Хирурго не шелохнулся. По стеклам потоками стекала вода, и его вряд ли можно было разглядеть. Человек не позвонил в дверь. Он вынул связку ключей и вошел как к себе домой. Очень странно! Может быть, брат и сестра

переехали? Хирурго сожалел теперь, что не установил за домом слежку после завершения дела Менцеля. Идиот...В доме зажегся свет.Хирурго решил поговорить с вошедшим в дом человеком.Он вышел из машины, пересек улицу, вошел во двор и заглянул в окно. Коренастый мужчина стоял перед камином спиной к Хирурго и что-то пил.Хирурго поднялся по ступеням и позвонил.Дверь открылась не сразу. Парень с лицом боксера посмотрел на него без всякого интереса и спокойно сказал:– Я ничего не покупаю и ничего не продаю.Он собирался захлопнуть дверь перед носом Хирурго, когда тот подставил ногу в отверстие двери, о чем тут же пожалел: парень больно пнул его.– Чего тебе надо? Быстро говори и убирайся.– Я хотел бы видеть Артура Ламма.Парень задумался.– Артура Ламма? Ах да... хозяин дома? Его нет. Я снимаю дом.– Вы знаете, где он?– По-моему, он отправился в кругосветное путешествие со своей сестренкой. По крайней мере, он так мне сказал... Я заплатил за год вперед.И он захлопнул дверь.Подозревая неладное, Хирурго в ярости хлопнул калиткой.* * *Новый жилец дома погасил свет и посмотрел в окно на удаляющуюся машину. Затем он подошел к стоящему на камине телефону и на память набрал номер:– Алло, это Тито. Только что приходил Хирурго, он интересовался Ламмами. По-моему, что-то неладно. Предупредите, пожалуйста, Управление.После этого парень подошел к окну, чтобы закрыть ставни. Разыгравшаяся непогода напомнила ему одну жуткую ночь, когда он помогал Юберу обвести вокруг пальца своих противников...Юбер... смешное имя, но парень отменный. Сейчас Тито не хотел бы быть на его месте, хотя он далеко не трус, даже наоборот.Вопрос только, в какой степени...* * *У Хирурго были агенты почти во всех официальных службах на свободной территории Триеста. Это входило в его обязанности.Выехав с виа Маркони, он обогнул городской сад и остановился перед домом, используемым его организацией для встреч.Он вошел в дом и сделал два телефонных звонка. Первый – служащему паспортной службы. Второй – служащему из бюро по найму квартир.После этого он вернулся в свою загородную виллу. На этот раз он

поставил машину в гараж. Поднявшись в кабинет, он некоторое время пристально всматривался в лицо Эстер Ламм на обложке «Лайфа». Внезапно зазвонил телефон. Он снял трубку:– Хирурго слушает...Его номер был известен только некоторым «посвященным». Ленивый голос сказал без всякого предисловия:– На указанное вами имя не выдавалось никакой визы, кроме того, не было никакого заявления. Ничего...– Хорошо. Спасибо,– ответил Хирурго.Он положил трубку и задумался. Это могло означать одно из двух: либо Ламмы не покидали Триеста, либо они уехали из города с фальшивыми паспортами, выданными иностранной миссией.Пять минут спустя снова зазвонил телефон.– Хирурго слушает...На этот раз женский голос спокойно спросил:– Можно говорить?– Да, говорите.– Дом номер девятнадцать по виа Маркони недавно был сдан его владельцами Артуром и Эстер Ламм Даворину Суборовичу, уроженцу Югославии, торговому представителю. Сведений о переезде Ламмов в другое место у нас не имеется. У вас есть еще для меня инструкции?Хирурго нахмурил брови и сказал:– Нет. Спасибо.Он стал набивать трубку. Неожиданно свет начал моргать... Он не придумал этому значения – при таком ветре возможны аварии на электростанции. Надо спешить...Итак, семьи Ламмов не было в Триесте, и они не получали визы в паспортной службе. Дело прояснялось... Вернее, было ясно, что это дело темное, очень темное. После той роли, которую они оба, брат и сестра, сыграли в похищении Менцеля, как им удалось получить въездную визу в США?Открыв ящик письменного стола, он взял лист бумаги и ручку. Медленно и старательно выводя буквы, он написал:«Хирурго. В службу КМ-Е. Срочно. По делу Менцеля. Брат и сестра Ламм тайно покинули Триест. Журнал „Лайф“ за эту неделю опубликовал на обложке снимок Эстер Ламм, прооперированной в калифорнийской клинике. Необходимо произвести расследование».С посланием в руке он вышел из комнаты, выключил свет, проверил, заперта ли входная дверь, включил систему тревоги и спустился в подвал.Это был старый подвал, невероятно захламленный всякой всячиной.Хирурго пробрался через

хлам до дальней стены, у которой нашел заржавевшую железную палку длиной около двадцати сантиметров. Он с размаху ударил ею по старому болту, укрепленному в стене. Тот повернулся, образовав дыру. Затем щелчок, мягкое поскрипывание, и Хирурго очутился перед трапом, от которого вниз вела деревянная лестница. Пройдя ступенек десять, он оказался на земле. Нащупав кнопку выключателя, он зажег свет в крохотном помещении, где был установлен радиопередатчик большой мощности. Он вынул код из железного ящика, открыл его и взял карандаш, чтобы зашифровать послание, предназначенное для КМ-Е. Он не любил эту работу, и у него ушло на это больше десяти минут. Закончив кодирование, он склонился над передатчиком, опасаясь, как бы не прекратили подачу тока раньше, чем он успеет передать послание.

8

Спустя двадцать минут после посадки на аэродроме Турфана вертолет летел над озером Андын Куль, лежащим в центре впадины. Набрал высоту сто метров, вертолет удалялся на восток. Летчик с любопытством оглядел Юбера, когда тот поднимался в кабину, но больше ни разу не взглянул на своих пассажиров. Черкесов дремал, укачиваемый гудением двигателя. Юбер улыбнулся. Загадочный Черкесов принимал его за Стефана Менцеля, инженера, бывшего заведующего исследовательской лабораторией Физического института в Гамбурге, где разрабатывались первые летающие тарелки. С тех пор как Юбер оказался в Турфане, о тарелках еще ни разу не было разговора... Сначала Юбер скептически отнесся к истории, которую рассказал ему Менцель, приведший к тому же убедительные доказательства. Теперь он верил в эти тарелки, хотя отрицал их инопланетное происхождение. Он точно знал, что США не производят тарелок. Значит, этим занимается Советский Союз. Смит не сомневался, что русские производят их под руководством немецких ученых, бывших коллег Менцеля в Гамбурге. Юбер был заинтригован тем, что Черкесов до сих пор ни разу не обмолвился о тарелках. Сейчас его

везли для «работы» в исследовательские лаборатории, и он с волнением думал о том моменте, когда ему передадут формулы, о которых говорил Черкесов. Он знал, что ничего в них не поймет, так как имел скромные познания в физике и механике. Ему оставалось рассчитывать только на свой актерский дар, чтобы как можно дольше продолжать игру. Как только он соберет необходимые сведения о летающих тарелках, ему надо будет уходить. Дело не из легких. Он должен думать об этом с первого дня. Юбер верил в удачу. Он относился к тем людям, которым все удается. Главное – не расслабляться и рассчитывать только на свои силы... Они находились в воздухе уже полчаса. Черкесов по-прежнему дремал или делал вид. Во всяком случае, разговаривать было бы все равно трудно из-за грохота мотора. Внезапно Юбер обратил внимание на то, что они летели теперь над пустынным, необитаемым краем. Любопытно. Никаких признаков жизни. Вертолет набирал высоту... Юбер подумал, что на этой посудине они не могут улететь далеко. Было десять часов утра... Прекрасная погода, небо ясное, не считая крупных облаков на юго-востоке, окутывающих вершины Хол Тау Тага. Высота двести метров... Триста метров... Они пролетали над еще зеленым горным хребтом. Четыреста метров... Пятьсот метров... Скалы были покрыты кустарниками и карликовыми деревьями. Юбер с интересом наблюдал за разбегающимися зайцами, напуганными шумом. Горная коза или косуля остановилась и задрала морду вверх... Альтиметр показывал отметку восемьсот, затем тысячу метров... Вертолет плавно скользнул влево, огибая скалистую вершину, уходящую в облака. Новый поворот направо, и вертолет застыл над ровной площадкой. Юбер внимательно оглядывал окрестности. Вертолет медленно опускался, когда Юбер заметил дорогу, замаскированную сбоку от горы. По-прежнему никаких признаков жизни. Сомнений не было: они снова окажутся на одном из подземных заводов... «О'кей, – подумал он, – меня это устраивает». Черкесов взял его за плечо и крикнул: – Мы прилетели. Юбер кивнул ему. Вертолет мягко сел на площадку. На какое-то мгновение они погрузились в абсолютную

тишину. Затем двери открылись, и над вершинами гор загудел пронзительный ветер.— Выходите. Юбер спустился следом за Черкесовым, приказавшим летчику:— Подождите меня. Затем, обращаясь к Юберу, он сказал:— Следуйте за своим проводником. Он был еще в хорошем настроении. Они прошли около ста метров в направлении отвесной скалы, возвышающейся над долиной.— Голова не кружится? — спросил Черкесов.— Нет, — ответил Юбер. Пройдя еще метров двадцать, они остановились перед бронированной дверью, выбитой в скале. Черкесов вынул ключ и открыл дверь. Они вошли в освещенный неоновым светом небольшой зал, в глубине которого Юбер заметил лифт и телефонный аппарат. Черкесов снял трубку и доложил:— Старший политрук Борис Черкесов прибыл в сопровождении доктора Менцеля. Поднимите, пожалуйста, лифт.— Здесь неплохо, — иронично заметил Юбер.— Внизу еще лучше, — заверил русский.— Вам хорошо будет здесь работать: тихо, спокойно, тепло. Кормят у нас вкусно. Даже атомные бомбы здесь не страшны. Все преимущества... Юбер поморщился:— Монашеская жизнь. Черкесов игриво подмигнул:— В лаборатории есть женщины. Остальное зависит от вас. Юбер с удивлением спросил:— В этой чертовой дыре есть женщины?— А почему бы и нет? В нашей стране между мужчинами и женщинами полное равноправие. Следовательно, женщина выполняет ту же работу, имеет те же обязанности... Это нормально.— Разумеется, — сказал Юбер, — если это им нравится.— Они гордятся этим. Лифт остановился. Когда Юбер и Черкесов вошли, русский нажал на кнопку, и лифт спрятался в горе.— В конце войны, — сказал Юбер, — в Германии было построено много подземных заводов в гротах или карьерах. Здесь то же самое?— Да, — коротко ответил Черкесов. Спуск продолжался две минуты. Они вышли в ярко освещенный коридор и прошли направо, в просторный вестибюль. Здесь стоял караул — около двадцати человек в темно-синих мундирах. К старшему политруку подошел офицер и отдал ему честь.— Все готово к приему доктора Менцеля? — спросил Черкесов. — Я знаю, что вы получили мои инструкции

с некоторым опозданием, но...– Все готово, – подтвердил офицер МВД. – Я провожу вас.Коридор. Еще один лифт, гораздо более просторный. Короткая остановка. Коридор. На стенах бесконечные инструкции по технике безопасности.– Мы находимся в крыле, где расположены квартиры технического персонала, – сказал Черкесов, чувствующий себя здесь как рыба в воде.Офицер открыл дверь в большую, скромно, но приятно обставленную комнату.– Это ваша комната, – сказал Черкесов.Он повернулся к офицеру и сказал по-русски:– Пригласите сюда инженера Кимиашвили, я представляю его доктору Менцелю.Юбер прошел в комнату, в которой ему предстояло жить... временно. Черкесов объяснил:– Инженер Кимиашвили прекрасно говорит по-немецки. Он будет вашим переводчиком. Надеюсь, что он вам понравится.– Я тоже надеюсь, – сказал Юбер.Послышались голоса, и в дверях появилась женщина. Высокая брюнетка с красивыми черными глазами, одетая в белый комбинезон, облегающий ее гибкое тело. Настоящая женщина.Не скрывая иронии, звучавшей в его хриплом голосе, Черкесов представил:– Инженер Изадора Кимиашвили... Доктор Менцель...Немного тяжеловатое, но красивое лицо грузинки осветилось улыбкой:– Очень рада с вами познакомиться, доктор Менцель. Надеюсь, мы с вами поладим.Глядя на ее чувственный рот, Юбер сказал уверенно:– Я в этом не сомневаюсь.Она слегка покраснела, и Черкесов громко расхохотался.– Вы сражены молнией, Менцель. Я это предвидел. Но будьте умницей все-таки. Я отвечаю за моральное здоровье этого комплекса.Он повернулся к офицеру МВД:– Вы свободны, товарищ. Прежде чем уехать, я зайду к вам.Офицер удалился. Черкесов фамильярно обхватил Изадору за плечи и сказал, глядя на Юбера:– Ты будешь переводчиком и ассистентом доктора Менцеля. Следи за тем, чтобы у него было все необходимое. Ему поручена работа, имеющая большое значение для будущего нашей страны. Ты меня поняла?Она насмешливо посмотрела на него своими великолепными черными глазами.– Да, – прошептала она, – я поняла. Старший политрук может спать спокойно...Юбер тоже понял.

Светящаяся вывеска «Какомбе» вспыхивала в небе каждые тридцать секунд в ста метрах от Бродвея, на тридцать четвертой улице. Джерри Робин шел не спеша, засунув руки в карманы пальто, с камерой через плечо и потухшей сигарой в углу рта. У него было плохое настроение. Патрон вызвал его в кабинет и намылил ему шею за появившийся на прошлой неделе на обложке «Лайфа» снимок женщины, которая перенесла операцию на бедре. Из клиники пришел протест, и патрон поклялся выставить его за дверь, если что-нибудь подобное повторится. Джерри попросили рассказать, как он проник в клинику, но он умолчал о роли, которую сыграла в этом деле хорошенькая Бетти. Это все равно ничего не меняло для него, наоборот. Он сам вошел в палату больной и спросил у нее разрешения. Ему показалось, что она ответила «да». Такова была его версия. Грязная история! Он открыл дверь «Какомбе» и чуть не задохнулся от дыма и духоты. Кто-то крикнул:– Джерри! Хелло! Он двинулся на голос, прошел мимо включенного телевизора и на секунду остановился, чтобы посмотреть на игру ног Гингера. Его окликнул Боб, репортер из «Нью-Йорк таймс». Хороший парень... Он был с девушкой, смазливой блондинкой, у которой было все, чтобы удовлетворить честного человека. Джерри присвистнул, глядя на нее, и сказал Бобу:– Милая крошка! Ты одолжишь ее мне на следующий уик-энд?– Пожалуйста, – охотно согласился Боб. – Но предупреждаю, что она кусается. Так что не клади ей пальца в рот. Девушка рассмеялась. – Ее зовут Джойс, – добавил Боб. – Но ты можешь просто свистнуть. Если неподалеку будет бар, она тут же прибежит. Больше я о ней ничего не знаю, так как познакомился с ней только вчера вечером, и самое любопытное то, что она приняла меня за тебя. – Неужели? – искренне удивился Джерри. – Что? – спросила Джойс. – Это Джерри Робин, а ты мне этого не говоришь?– Джерри Робин собственной персоной, человек, заглатывающий дюжину «хот-догз»... Джерри привык к таким вопросам. Должно быть, девица участвовала в каком-нибудь бродвейском шоу и

мечтала о фоторепортере, который выставит ее наготу на обозрение публики, что принесет ей некоторую известность. Впрочем, он не против. Обычно он назначал им свидание у себя дома, давая понять, что они должны оставить о себе воспоминание, чтобы, входя в издательство на следующий день, он не забыл о снимках. Они только об этом и мечтали...Он сел, положил локти на стол и спросил:– Значит, малышка хочет показать свою мордочку в «Лайфе»?Она покачала головой:– Нет, дорогой. Я по поводу твоего репортажа об операции на бедре на прошлой неделе. Одна из моих подруг нуждается в подобной операции и хотела бы узнать адрес клиники, который не был указан в статье.Джерри разочарованно посмотрел на Джойс и мягко сказал:– Я не помню адреса. У меня нет с собой записной книжки. Но если хочешь, пойдем ко мне, и я найду его.Она посмотрела на Боба:– Я пойду?Джерри взял рюмку с чинзано, стоящую перед Бобом, и залпом выпил ее. Затем он встал, помог Джойс выйти из-за стола и взял ее под руку.– Разумеется, я оставляю счет тебе, – сказал он Бобу.– Само собой, – ответил Боб с отвращением. – Это в порядке вещей.– Не правда ли?

10

Смит оторвался от чтения документации, ежедневно представляемой ему различными службами, находящимися под его руководством. Перед ним на столе зажглась красная лампочка внутреннего переговорного устройства. Он нажал на кнопку:– Я слушаю.Низкий голос сразу ответил:– Говорит Ховард. У меня срочное дело.Смит поморщился:– Хорошо. Поднимайтесь.Смит опустил ручку, помещенную под столом, которая подавала ток или прекращала подачу к мотору его персонального лифта.Он снял очки в тонкой золотой оправе и протер их кусочком замши.Короткий звонок предупредил его о том, что лифт начал подниматься. Он выдвинул с левой стороны стола нечто напоминающее ящик, оснащенный телеэкраном и нажал кнопку. По экрану пробежали полосы, затем на нем показалось лицо Ховарда.Смит задвинул ящик и

нажатием пальца освободил систему блокирования двери. Металлический щит скользнул влево. Ховард вышел из лифта с папкой в руке.— Здравствуйте, господин Смит.— Здравствуйте, Ховард. Капитан в безупречно сидящей форме пересек комнату и сел в ставшее привычным кресло.— Я по делу Менцеля, — сообщил он.— Слушаю вас, — сказал Смит, проведя жирной рукой по одутловатому лицу. Ховард открыл папку и продолжал:— Сегодня утром мы получили рапорт из Триеста с опозданием на несколько дней. Я сейчас объясню... Смит сказал с нетерпением:— Ближе к делу, пожалуйста. Ховард невозмутимо продолжал:— Вы, вероятно, помните, что Баг поместил одного из наших агентов в дом, оставленный Артуром и Эстер Ламм? Смит кивнул:— Да, помню. Тито.— Так вот, недавно к Тито наведалься Хирурго...— Он занимался делом с другой стороны...— Да. Итак, Хирурго хотел видеть Артура Ламма. Тито ему сказал, что не знает, где находится хозяин дома. Хирурго уехал, но потом Тито позвонил двойной агент из паспортной службы и сообщил, что Хирурго выяснял, обращался ли Ламм с просьбой о предоставлении ему въездной визы в США. Смит наморщил лоб:— Значит, его визит не был случайным.— Лично я думаю, что он узнал Эстер Ламм на обложке «Лайфа». Я разговаривал с директором, он обещал задать головомойку репортеру.— Ваше вмешательство не рискует...— Нет. Репортеру дали понять, что протест исходит от директора клиники.— Так. Из всего этого мы можем заключить, что над Юбером нависла опасность... Я уверен, что наши противники не теряют времени и идут по следу Ламма. Ховард с тревогой в голосе сказал:— Так они выйдут и на Менцеля. Смит взял из коробки сигару:— Необходимо срочно принять все меры предосторожности. Он отгрыз кончик сигары и взял зажигалку.— Прежде всего необходимо уничтожить в клинике все следы пребывания этой женщины и предупредить хирурга, чтобы он молчал. Он поднес пламя к сигаре, сделал несколько медленных затяжек и продолжал:— Нужно срочно удалить брата и сестру от Менцеля. Ховард перебил его:— Невозможно, сэр. Смит подскочил:— Что вы имеете в виду?— Менцель безумно влюблен в Эстер

Ламм. Они хотят пожениться.Смит раздраженно заметил:– Это неважно. Сейчас не время. Нужно немедленно отделить его от Ламмов.Ховард упрямо продолжал:– Я вас понимаю, сэр. Но Менцель не пойдет на это. Сейчас совершенно очевидно, что только благодаря Эстер он согласился работать на нас. Он никогда не захочет расстаться с женщиной, которую любит. Он перестанет работать. Это очень нервный и впечатлительный человек, если хотите, слабый, несмотря на свой талант.Смит смирился.– Я доверяю вам, Ховард. Если он такой, как вы говорите, то вы правы. Он нам совершенно необходим... К сожалению, нам также необходимо, чтобы другие не знали, что он работает на нас. Он обещает, что у нас будут летающие тарелки через два года. Два года, Ховард, это очень долго... в наше время...– Я знаю, сэр. Менцель и мисс Ламм обручатся завтра утром. Мы усилим охрану группы Менцель – Ламм.Смит устало опустил в кресло.– Поступайте, как сочтете нужным, Ховард, но помните о важности дела...Ховард кивнул в знак согласия и вынул из папки лист бумаги:– Мы получили рапорт из Адмиралтейства. Спустя два дня после завершения дела в Триесте британская подводная лодка провела досмотр итальянского траулера в территориальных водах Югославии. На борту судна находился странный субъект, назвавшийся Гансом Хебнером, океанографом. Английский офицер незаметно сфотографировал его. Затем подводная лодка проследовала за траулером, направившимся в Валону.Он протянул фото Смиту:– Взгляните...Смит поднес фотографию к самому носу и широко улыбнулся:– Разрази меня гром, если это не Юбер. Несмотря на бороду, я сразу узнал его.– Вы видите, сэр, нет сомнений в том, что Юбер находится по ту сторону от Валона. Теперь мы должны отправиться по этому следу. Они вывезли его на самолете за пределы Югославии, это понятно...

11

Сидя на кровати, Юбер размышлял. Черкесов уехал, напомнив ему, что завтра он должен установить срок для разгадывания секрета переданных

ему формул.Изадора отправилась в лабораторию, предварительно предложив ему вместе пообедать.Комната Юбера была комфортабельной, к ней прилежала ванная. Окна в комнате не было, и это понятно, однако невидимая система постоянно обновляла воздух. В комнате был даже радиоприемник, но с одним каналом, программа которого, скорее всего, составлена работниками КГБ.В дверь постучали, и в комнату вошла Изадора. Она сказала шепотом, как если бы речь шла о большом секрете:— Мы будем обедать в моей комнате. Я только переоденусь. Так что приходите минут через пять...Улыбнувшись, она вышла.Обед в ее комнате? Юбер думал, что они спустятся в столовую, где его представят сотрудникам подземного центра.Вероятно, Черкесов не спешил вводить его в контакт с «коллегами». Он поручил его заботам Изадоры, предоставив ей полную свободу действий. Юбера это вполне устраивало. Изадора нравилась ему, кроме того, он плохо переносил воздержание.Она сказала, что хочет переодеться. Почему бы не помочь ей? Комната Изадоры находилась рядом с его комнатой. Он повернул ручку: дверь оказалась незапертой. В комнате никого не было, но из ванной доносился плеск воды. Юбер подумал, что легкомысленно уйти в ванную, оставив дверь незапертой.Дверь в ванную была открыта. Изадора стояла под душем спиной к нему.У него перехватило дыхание, и он понял, до какой степени ему не хватало женщины... Он застыл, разглядывая ее. Она не совсем в его вкусе: несколько тяжеловата и широка в бедрах. В этот момент Изадора обернулась и, увидев его, вскрикнула. Затем она выключила воду и сказала:— Оказывается, вы наглец.Лаская ее глазами, он сказал с улыбкой:— Вы забыли запереть дверь. Я исправил вашу оплошность.Она вышла из ванны и с вызовом спросила:— Это что-нибудь означает?— Ничего. Вам подать пеньюар?Он снял с крючка и протянул ей махровый халат. Она просунула руки в рукава и запахнулась.— Подождите меня, пожалуйста, в комнате.Он удалился, отметив, что она так и не закрыла дверь.— Вы знаете, что вы красивы?— Спасибо за комплимент.Она вышла из ванной и попросила его отвернуться.— Зачем? Вам нечего

больше скрывать. Я вас видел анфас и в профиль. Не настаивая, она сняла пеньюар и стала одеваться. Он смотрел на нее, не двигаясь с места. Когда она оделась, он подошел к ней вплотную:— Разве я не заслужил вознаграждения?— Разумеется, — ответила она хриплым голосом. Он взял ее за талию и привлек к себе. Она спросила:— Какое вы хотите вознаграждение?— Поцелуй, чтобы скрепить наш союз. Она сказала:— Через две минуты нам принесут обед.— Я ведь пока попросил только поцелуй...— Шалун!— сказала она, протянув ему губы.* * * В дверь постучали. Невысокий китаец вкатил в комнату столик и удалился, не проронив ни слова. Они молча ели, думая каждый об одном и том же. За десертом он просто сказал:— Я приду к тебе ночью. Она так же просто ответила:— Ты меня привел в такое состояние... Но теперь, после того как мы договорились, я чувствую себя лучше. Она поставила на стол бутылку водки и наполнила рюмки.— За твой успех, Стефан.— За нашу любовь, Изадора. Она поправила его очень серьезно:— У нас, Стефан, на первом месте работа, а любовь потом. Он улыбнулся:— Мы будем заниматься любовью после работы. Она закурила сигарету и посмотрела на Юбера:— Черкесов ввел меня в курс дела. Для меня это большая честь и большая ответственность. Я знаю, кто ты и какие на тебя возлагают надежды... Юбер спросил себя, неужели она так же серьезно будет заниматься любовью? Она продолжала:— Сейчас я провожу тебя в лабораторию. Ты ни с кем не должен разговаривать. Это приказ Черкесова: никаких контактов с другими сотрудниками лаборатории. Думая о тарелках, Юбер спросил:— Мы будем выходить на свежий воздух?— Да. На короткие прогулки, если ты считаешь, что тебе это необходимо. Она погасила сигарету и направилась к двери:— Идем. Они дошли до конца коридора и в лифте спустились в зал, из которого расходились многочисленные галереи. Они прошли в одну из галерей, но Юбер не успел заметить ее расположения относительно других галерей. Пройдя метров двадцать, они остановились перед дверью, которую Изадора открыла своим ключом. Войдя в дверь, они оказались в

вестибюле, стены которого были завешаны плакатами по технике безопасности. Юбер решил, что позднее внимательно их изучит. Предприняв некоторые меры предосторожности, он мог бы получить ценную информацию о характере производимых здесь работ. Еще одна дверь... Новый ключ...— Входи. В небольшой комнате стоял письменный стол. Другая комната оказалась ультрасовременной лабораторией, оснащенной высокотемпературной электропечью. Обведя лабораторию глазами, он спросил:— Я здесь буду работать?— Да. Это твой стол... Если тебе понадобится документация, ты ее получишь. Для этого ты откроешь вот это отверстие и просунешь в него карточку, на которой запишешь свое требование. После этого нажмешь кнопку. Через несколько минут тебе пришлют из архива то, что ты просишь. Но есть одна небольшая формальность: на каждой карточке должна стоять моя подпись. «Жаль, — подумал Юбер, — иначе я мог бы сразу же попросить документацию о летающих тарелках». Изадора сама заполнила одну из карточек, подписала ее и запустила грузовой подъемник. После этого они осмотрели лабораторию. В ней было много странных инструментов, о которых Юбер не имел ни малейшего понятия. Он внимательно слушал объяснения Изадоры, с гордостью перечислявшей предоставленное в его распоряжение оборудование. Короткий звонок предупредил их о том, что подъемник вернулся. На диске лежала красная папка с пятью цифрами. Изадора открыла ее.— Это документы, которые ты должен изучить, — сказала она. Она вынула фотокопии с непонятными формулами и символами... Юбер спросил:— Как вы догадались о важности этого документа? По символам разных металлов, например, циркония? Она сухо ответила:— Мы просто знали это. Внезапно Юбер побледнел, увидев заголовок на одной из фотокопий: «Воздушный материал США». Теперь он знал, откуда взялись эти формулы... Если он когда-нибудь вернется в свою страну, то у него сразу появится работа. Как могли попасть сюда эти сверхсекретные сведения?

Гарри уже достаточно выпил. Ему пора было остановиться и вернуться домой, но сегодня ему не хотелось быть благоразумным. Доктор Маттеоти выгнал его из клиники. Какая страшная несправедливость!.. Но Маттеоти ничего не хотел слушать.— Вы были на дежурстве, поэтому должны нести ответственность,— сказал он холодно.— Я не хочу знать, чем вы занимались, когда этот гнусный репортер проник в палату. Гарри не стал ему рассказывать, как в тот вечер Бетти Вуд стала его любовницей... Он дорого заплатил за свое удовольствие. Тем более дорого, что на следующий день Бетти не хотела его знать...С моря подул прохладный ветер. Ночь была светлая, на небе сияли звезды, и луна ярко светила. Прекрасная ночь...Мимо прошла женщина, держа за руки двоих детей, и Гарри подумал о своей жене и детях, которые ждали его дома. Он не решался вернуться домой с дурной новостью. Он не строил иллюзий: найти другую работу невозможно. Маттеоти никогда не даст ему хорошей рекомендации. Он выругался и остановился, привлеченный неоновой вывеской «Джонни». Гарри открыл дверь и неуверенно прошел к обтянутой красной кожей стойке. В баре было много посетителей.— Рюмку чинзано, — пробормотал он. Бармен подал ему рюмку и спросил:— Вам не по себе? Что-то не так?— Не твоё дело, — ответил Гарри раздраженно. Бармен пожал плечами и отошел, искоса поглядывая на него. Гарри залпом выпил рюмку.— Повтори и оставь замечания при себе. Бармен с подчеркнутой небрежностью обслужил его. Вдруг Гарри услышал позади женский голос:— Это помогает при хандре. Я знаю, как это бывает... Гарри медленно обернулся, и ему показалось, что он погрузился в вату. Рядом с ним сидела круглолицая блондинка с приятным лицом, красивыми голубыми глазами и пухлыми губами. На ней было облегающее сиреневое платье со смелым декольте в форме каре. Ему показалось, что сегодня вечером он уже где-то ее видел. Она положила руку на его плечо и наклонилась к нему.— У вас что-то случилось, — сказала она. — Можете не рассказывать, я знаю, что это такое. Вам плохо? Он покачал головой. Заметив, что у нее пустая рюмка, он предложил:— Что-

нибудь выпьете?— Не могу вам отказать...Он осушил рюмку и крикнул:— Два чинзано.Бармен протянул руку:— Три доллара.Гарри взорвался:— Я дам тебе в морду!..Женщина схватила его за руку.— Оплатите,— посоветовала она.— Не надо скандалить.Он послушался и сунул руку во внутренний карман пиджака. Он был пуст.— Черт возьми!Он покраснел под насмешливым взглядом бармена, затем трясущимися руками стал выворачивать свои карманы. Наконец он пробормотал:— Я потерял бумажник...— Разумеется, Тото,— неожиданно фамильярно сказал бармен.— Подожди, сейчас ты объяснишь это патрону.Он протянул руку к телефонному аппарату, но женщина поспешно сказала:— Нет, нет, не надо. Я все улажу...Она открыла сумочку, вынула из нее десятидолларовую бумажку и протянула ее бармену. Бармен сердито посмотрел на ошеломленного Гарри.— Не понимаю, как я мог его потерять. Это очень странно...Она хлопнула его по ляжке:— Оставь, это еще не трагедия. За твое здоровье!Они выпили, и она предложила:— Пойдем отсюда. Мне здесь не нравится.Он согласился и соскользнул с табурета. Она взяла сдачу, оставив разумные чаевые, и, взяв его под руку, помогла ему выйти. Его качало:— Мне плохо...Она тащила его к автомобилю. Открыв дверцу, она втолкнула его внутрь. Он завалился на сиденье и закрыл глаза. У него ужасно болела голова.Машина тронулась. Занятая девушка! На шлюху не похожа... Решила проветриться...Он впал в полузабытье.* * *Услышав приглушенную музыку, он открыл глаза и обомлел: в лунном свете блестела морская дорожка. Женский голос спросил:— Вам лучше?— Да,— ответил он, ища ее глазами.— Я сзади, так удобнее. Иди сюда.Он чувствовал себя гораздо лучше, но опасался, что не сможет ее удовлетворить.— Меня зовут Джойс,— сказала она, прижимаясь к нему.— А тебя?— Гарри.Она расстегнула ему сорочку и просунула под нее руку.— Ты мне очень нравишься,— прошептала она.— Я хочу, чтобы ты забыл о неприятностях.Он вспомнил о пропаже бумажника, и сейчас это больше всего расстраивало его. Он попытался вспомнить...Джойс умело поцеловала его, но он остался равнодушным. Ему хотелось, чтобы она

оставила его в покое.—Ты можешь ни о чем не думать, кроме удовольствия? —спросила она глухим и дрожащим голосом.Ему было явно не до нее.Она приподнялась и облокотилась на спинку сиденья.— Рассказывай, тебе полегчает. Ты увидишь.Он рассказал ей все, что с ним произошло.Когда он умолк, она положила руку на его ляжку и сказала:— Ты прав, это грязная история. На твоём месте я разыскала бы эту пациентку и все ей объяснила. Она поймет, что ты здесь ни при чем. Она поможет тебе...Мысль неплохая. Гарри хотел тут же за нее ухватиться, но рука Джойс парализовала его...— Её адрес должен быть в регистрационном журнале клиники. Это не трудно...Она положила голову ему на плечо, её рука скользнула вниз... Гарри почувствовал, что его мышцы окрепли...— Если хочешь, я отвезу тебя на машине.Внезапно он вспомнил:— Она была принята в клинику по рекомендации брата Маттеоти...Джойс продолжала ласкать его:—Ты сможешь заглянуть в журнал?— Да, — ответил он, ища её рот. — Секретарь — мой старый приятель. Он не откажет мне в этой услуге...Её тело дрожало в его объятиях...

13

Гарри вернулся домой очень поздно. Джойс привезла его в пригород Лос-Анджелеса.Раздеваясь перед сном, он наткнулся на свой бумажник, оказавшийся во внешнем кармане пиджака. Неужели он был так пьян, что не сумел найти его?Ему повезло, что он встретился с Джойс. Заниматься с ней любовью было намного приятнее, чем с Бетти Вуд.Она назначила ему свидание на десять утра возле клиники. Маттеоти приезжает на обход в одиннадцать часов. Он всегда оперирует во второй половине дня.Когда Гарри проснулся, жены и детей уже не было. Он быстро умылся и вышел, не позавтракав.Он пришел в клинику в четверть десятого. Джордж, секретарь, был уже в кабинете. Увидев Гарри, он сказал:—Ты можешь получить расчет, я все подготовил. Мне жаль, что так вышло...Гарри выругался.— И все из-за этого проклятого журналиста. Если бы он жил в

Лос-Анджелесе, а не в Нью-Йорке, я бы набил ему морду. Джордж выдвинул ящик стола и отсчитал несколько банкнот.— Я понимаю... Патрону надо было оставить в палате сиделку. Он придвинул к Гарри ведомость и попросил расписаться. Гарри, не считая, сунул деньги в карман. Затем смущенно спросил:— Ты не мог бы мне дать адрес этой женщины, из-за которой я пострадал? Я хотел бы с ней поговорить, объяснить ей... У меня трое детей... Джордж раздраженно ответил:— Ничем не могу тебе помочь. Маттеоти забрал вчера вечером историю болезни и все, что касалось этой женщины. Так что изъяты все следы ее пребывания в клинике. Какое-то непонятное дело. Гарри раскрыл рот:— Ты хочешь сказать, что нельзя узнать ни ее имени, ни адреса?— Нет, но я помню, что ее звали Эстер. Лучше не лезь в это дело, если хочешь моего совета. Гарри растерянно пробормотал:— Спасибо, старина... Они пожали друг другу руки, и Гарри направился к двери. Джордж окликнул его:— Мой совет: обратись в профсоюз. Если эта история окутана такой тайной, может, что-нибудь у тебя и получится. Во всяком случае, тебе дадут хорошую рекомендацию. Гарри подмигнул:— О'кей. Спасибо, Джордж.— Привет, Гарри!* * * Джойс уже ждала его. Гарри сел в машину, которая сейчас же тронулась. Джойс немного нервничала.— За тобой никто не следил?— спросила она, глядя в зеркало машины.— С какой стати?— удивился Гарри.— Ты взял адрес?— Нет.— Как нет? Гарри не понимал, почему это ее так трогает.— Патрон изъял все документы, имеющие отношение к этой женщине. Джордж помнит только ее имя: Эстер. Она сбавила скорость и остановила машину:— Эстер... А откуда она? Гарри улыбнулся:— Теперь это уже не имеет значения. Он удивился произошедшей с Джойс перемене.— Ты тюфяк, Гарри! На твоём месте я бы из-под земли достала эту женщину! Хотя бы для того, чтобы хлопнуть ее по заду...— Зачем?— удивился Гарри.— Она не виновата, если этот поганый журналист...— Ты говоришь, что ее рекомендовал брат твоего шефа? Как его зовут?— Оставь, — посоветовал Гарри.— Патрона зовут Маттеоти, это всем известно...— А брата? Ты знаешь его? Он загадочно улыбнулся:— Это

секрет. Я знаю, что он физик и работает в Уайт-Сэндзе, конструирует ракеты...Джойс глубоко вздохнула:– Прекрасно. Выходи. У меня еще куча дел на сегодня.Он разочарованно спросил:– Ты так торопишься? Когда мы увидимся?Она быстро ответила:– Сегодня в десять вечера у «Джонни». Пока...Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Она холодно протянула ему губы и резко сказала:– Давай быстрее. Мне некогда.* * *Берт Баттен шел по тротуару, когда машина Джойс остановилась перед кафе, где они должны были встретиться.Некоторое время он постоял перед витриной готового платья. Убедившись, что за Джойс не было хвоста, он пересек улицу и вошел в кафе.Джойс сидела за столиком перед дымящимся кофе и подрисовывала губы. Берт сел рядом с девушкой и тоже заказал себе кофе.– Привет, цыпленок. Какие новости?– Хирург уничтожил все следы пребывания особы в клинике. Я полагаю, по просьбе ФБР. Ее звали Эстер, фамилию и адрес установить не удалось. Ее прислал брат Маттеоти, хирурга. Он физик в Уайт-Сэндзе.Берт провел холеной рукой по темным волнистым волосам.– О'кей, – сказал он. – Больше не встречайся с этим парнем.Он положил ей в сумочку пачку денег:– За работу. Возвращайся домой и жди инструкций. Пока...Она послушно поднялась. Берту Баттену лучше не противоречить.

14

Юбер сказал Изадоре:– Я привык работать в одиночестве. Если ты останешься здесь, я не смогу сосредоточиться.Это требование не вызвало у нее восторга. Черкесов, наверное, приказал ей ни на шаг не отходить от Менцеля. Она сказала, что будет находиться в лаборатории, пока он будет работать в кабинете. Он наотрез отказался.– Завтра я попытаюсь работать в твоём присутствии... – сказал он, красноречиво посмотрев на нее.Она предложила:– Если это тебя так мучает, мы можем заняться любовью прямо сейчас.Хорошенькое решение!Он сказал, что предпочитает делать это ночью, без спешки.В конце концов она уступила, показав ему, на какую следует нажать кнопку, чтобы предупредить ее, что он закончил.

Она вышла, заперев за собой дверь на ключ, чтобы «оградить его от любопытных посетителей». Оставшись один, Юбер принялся скрупулезно изучать оставленные ему документы. Сомнений не было: они были взяты из исследовательской лаборатории, относящейся к «Air Materiel Command». Жаль, что Юбер не сможет захватить с собой в США изобличающие документы. Оставалось запечатлеть их визуально и позднее воспроизвести по памяти, после чего можно будет начинать расследование... До самого вечера он был занят этим титаническим трудом. Выучить текст нетрудно, но запомнить последовательность ничего не значащих цифр и формул – задача невероятной сложности. В восемь часов, совершенно изнуренный, Юбер заснул за столом. В этой позе его застала Изадора, пришедшая за ним в десять часов. Она разбудила его и, глядя на тени под глазами, сказала с упреком: – Ты с ума сошел. Разве можно так работать? Так недолго и заболеть. Надо было уже давно позвать меня. Он, пошатываясь, встал. – Я очень увлекся, – объяснил он. – Пока еще говорить рано, но мне кажется, что я на верном пути. Она вытолкнула его в коридор: – Тебе нужно расслабиться. Ты голоден? Он похлопал себя по животу: – Да, он пуст. Изадора пригласила его к себе на ужин. Он постепенно расслаблялся. – Забавная штука жизнь... Незадолго до окончания войны в подземных лабораториях, где мы укрывались, мы безуспешно пытались найти сплав, который мог бы в течение длительного времени выдерживать температуру в пять тысяч градусов. Этот сплав был нам также нужен для летающих дисков, которые сегодня принято называть тарелками. Изадора слушала его со сдержанным интересом, не более того. – Нам тоже удалось получить борид циркония, выдерживающий температуру три тысячи градусов, но на летающем диске его можно было использовать только в течение двадцати часов и каждый раз производить замену сопла. В настоящее время вы, видимо, заняты тем же... Никакой реакции со стороны Изадоры. – ...Это разорительно. При сплаве, выдерживающем пять тысяч градусов, сопла можно будет использовать минимум в течение ста часов. Я надеюсь, что Черкесов

покажет мне аппараты, создателем которых я в какой-то мере являюсь?Изадора спокойно встала из-за стола:– Ты спросишь его об этом завтра при встрече.Он предложил:– Пойдем, выйдем на свежий воздух.Она посмотрела на часы:– Одиннадцать. Ты еще не привык к глубине. Несмотря на то что воздух кондиционированный, нужна привычка... Пошли.Она протянула ему военную плащ-палатку, а сама завернулась в драповую накидку. В караульном посту Изадора оставила свою подпись в журнале. Они вошли в лифт, который сразу же начал подниматься.У Изадоры был свой ключ от бронированной двери, вырубленной в скале. Юбер подумал, что где-то должен быть другой, большой вход, через который вносят оснащение и оборудование для подземного города.Ночь была холодной, небо затянуто облаками. Над вершинами гор неприятно свистел ветер. Юбер с удовольствием наполнял легкие чистым горным воздухом.Изадора повела его по карнизу к площадке. Внизу протекал бурный ручей. Юбер подумал, что мог бы спокойно сбросить ее вниз и освободиться... чтобы сдохнуть в горах от холода и голода... Необходимо сделать так, чтобы за ним кого-нибудь прислали. Но как это сделать? В настоящий момент он не был готов вернуться в Вашингтон.– Осторожно! – предупредила Изадора. – Справа пропасть.Мозг Юбера был явно перевозбужден: он непрерывно думал о тарелках. Это было каким-то наваждением. Он не мог отделаться от ощущения, что разгадка тайны где-то рядом...ЦРУ пронюхало о существовании тарелок сразу после разгрома Германии. Из полученных сведений стало известно, что копия чертежей летающего диска находится в замке, принадлежащем Кейтелю, в Бад-Гандерсхайме, неподалеку от Ганновера. В замке ничего не нашли. В то же время агенты ЦРУ сообщили, что русские обнаружили в Бреслау двигатели, предназначенные для летающих дисков. Они захватили трех инженеров, участвовавших в создании аппаратов под руководством Менцеля. Создателем этих дисков является Менцель, но русским удалось начать их конструирование благодаря поимке в Бреслау инженеров.Оставалось узнать, где

изготавливаются таинственные приборы, и обнаружить их базу. Секрет должен тщательно охраняться в стране, где даже план такого большого города, как Москва, представляет государственную тайну. Сейчас русские поручили «Менцелю» расшифровать для них формулу нового сплава, который позволит совершенствовать летающие диски. Они вышли по горному карнизу на скалистую площадку. Неожиданно Юбер застыл как вкопанный. Изадора тоже остановилась, не зная, какое принять решение. Небо над ними озарилось ярким светом, который медленно опускался на площадку, где они находились. Светящийся вращающийся круг выбрасывал вертикальный пучок света... Внезапно площадка осветилась многочисленными прожекторами, установленными, по-видимому, в скалах. Юбер прислонился к скалистой стене, прижав к себе Изадору. Светящийся предмет продолжал медленно опускаться. Неясное гудение перекрывало свист ветра. Наконец аппарат был полностью освещен прожекторами. Менее ста метров отделяло Юбера от тарелки, так интриговавшей весь западный мир. Огромный круглый диск, около сорока метров в диаметре, был окружен струистым огненным ободом, отражавшимся на металлическом корпусе. Чудовищный аппарат неожиданно выпустил короткие костыли, оканчивающиеся чем-то наподобие шаров. Обод тотчас же исчез. Из центральной части гигантского диска появился освещенный изнутри колпак, и Юбер четко различил внешний обод, продолжающий вращаться вокруг диска за счет центробежной силы. В этом вращающемся на гироскопе ободе вокруг центральной части должны были находиться двенадцать симметрично расположенных турбин, приводимых в действие сжатым газом на основе гелия. Неожиданно в свете прожекторов возник бегущий к тарелке силуэт в защитном скафандре. Человек скрылся с другой стороны аппарата, и Юбер не успел понять, как он проник внутрь. Впрочем, это было неважно... Снова появился огненный круг, и Юбера окатила мощная воздушная волна. Огромный диск медленно поднялся и выбросил вертикальное пламя из центральной части. Дополнительный двигатель,

запускаемый при взлете и посадке, питался смесью жидкого кислорода и этилового спирта. Гигантский аппарат резко взмыл в небо и исчез в облаках. Прожекторы погасли, и темная ночь снова окутала горы. Резко свистел ветер... Юбер дрожащей рукой дернул себя за ухо. Он не бредил. Он уже думал о содержании своего рапорта, который он представит в Вашингтон об использовании Вооруженными Силами СССР летающих тарелок. Ни рапорт, ни выводы не появятся ни в одном из американских журналов... – Пойдем назад! – крикнула Изадора. Он наклонился к ней: – Я испытываю чувства отца, встретившегося с ребенком после десятилетней разлуки. – Ты с ума сошел! Он рассмеялся: – Ты видела ее так же хорошо, как и я. Она молчала до входа в лифт. Там она странно взглянула на него и сказала: – Не станешь же ты утверждать, что видел летающую тарелку? Он сердито сжал зубы и процедил: – Нет. Я уверен в том, что видел призрак моей бабушки. Она пожала плечами: – Это был аналог американского аппарата с чечевицеобразным крылом: "X". – Разумеется, – ответил он. – Ребенку понятно. Прежде чем выйти из лифта, она предупредила: – Желательно никому не рассказывать о том, что мы видели. – Я общаюсь только с тобой, дорогая. Всю ночь ты будешь стеречь меня в своей кровати. Она даже не улыбнулась. Оставив еще одну подпись в журнале караульной службы, они прошли в свои апартаменты. Идя по коридору, она посоветовала: – Возьми пижаму и приходи ко мне. «На кой черт?» – подумал Юбер.

15

Берт Баттен из осторожности оставил машину в парке, при въезде в Санта-Фе. Оттуда он доехал до центра города на автобусе. Санта-Фе находился неподалеку от Лас-Вегаса и военных полигонов, так что он был напичкан агентами ФБР. Малейшая автомобильная авария, и ваша личность попадает в картотеку; начинаются щекотливые вопросы о целях вашего пребывания в столице Нью-Мехико... «Чтобы жить долго, – думал Баттен, – нужно оставаться незаметным». Около четырех часов он вошел в

небольшой сквер неподалеку от церкви св. Антония и некоторое время наблюдал за игрой черных детей. В пятнадцать минут пятого мимо него, даже не взглянув в его сторону, спокойно прошел человек. Он был высокого роста, стройный, одет в темно-синий костюм и белую сорочку с накрахмаленным воротничком и синим галстуком. Черные гладкие волосы были тщательно зачесаны назад. У него было худое, смуглое лицо, и весь его облик напоминал преподавателя лица среднего достатка. В руке он держал сложенную газету «Нью-Йорк геральд трибюн». Берт Баттен мельком взглянул на него и повернул голову в ту сторону, откуда появился незнакомец. Когда две минуты спустя незнакомец скрылся, Берт Баттен демонстративно посмотрел на часы, изобразил на лице досаду и поднялся со скамейки, разглаживая брюки... Он задержался у киоска, стоявшего перед церковью, и купил «Нью-Йорк геральд трибюн». Затем он вошел в кафе, сел за столик, заказал чашку кофе и развернул газету. Погрузившись в чтение двенадцатой страницы, он, казалось, не обратил внимания на человека, вошедшего в зал. Мужчина, прошедший мимо него в скверике, тоже сел за один из столиков. Берт Баттен подчеркивал красным карандашом некоторые слова, которые он выбирал, по-видимому, не наугад. На это у него ушло почти полчаса. Закончив, он быстро пробежал глазами остальные страницы газеты и сложил ее по странному совпадению точно таким же образом, как была сложена газета незнакомца в сквере. После этого он выпил свой кофе и расплатился с официантом. Посмотрев на часы, он встал и направился к лестнице, ведущей вниз, где находились туалеты. Когда через две минуты он поднимался вверх, он столкнулся с незнакомцем из сквера. Никто не заметил, как мужчины обменялись газетами. Берт Баттен спокойно вышел из кафе и пошел к автобусной остановке. Спустя полчаса он сидел за рулем своей машины... * * * Арнольд Клоуз вернулся в Уайт-Сэндз спустя два часа. Он был возбужден, как всякий раз, когда Лионель (он знал Баттена под этим именем) поручал ему работу. Арнольду Клоузу хотелось сделать гораздо больше для дела. Ему казалось, что ему дают мало

работы...Закрывшись в своей комнате, расположенной во флигеле для холостяков, он сразу развернул переданную ему газету, взял бумагу и карандаш и начал выписывать по порядку все подчеркнутые в тексте слова.Получилось следующее:«Недавно один из ваших инженеров рекомендовал своему брату, хирургу в Лос-Анджелесе, одну женщину, нуждающуюся в операции на бедре. Репортаж об этой операции появился в „Лайфе“ за прошлую неделю. Женщина изображена на обложке. Имя хирурга...»Имя было составлено из отдельных букв, разделенных вертикальными черточками.«...Маттеоти. Узнайте имя женщины, ее адрес и ее окружение. Должна жить с братом. Дело важное и срочное. Буду ждать вас завтра и в последующие дни в условленном месте».Арнольд Клоуз запомнил текст и сжег бумагу над пламенем зажигалки. Та же участь постигла двенадцатую страницу газеты.Он закурил сигарету и посмотрел на часы. Пора было идти на ужин в ресторан, обслуживающий почти исключительно холостых инженеров. Но Арнольд Клоуз не спешил: он не хотел есть.Маттеоти... Действительно, в Уайт-Сэндзе был физик с таким именем, брат которого был известным хирургом.Эндрью Маттеоти... Он работал в отделе «МХ-5», в самом секретном и тщательно охраняемом из всех отделов. Арнольд Клоуз уже в течение нескольких месяцев безуспешно пытался узнать, чем занимается этот отдел.Эндрью Маттеоти никогда не выходил за пределы Центра. Это свидетельствовало о степени важности той работы, в которой он участвовал.Несмотря на то что он был холост, Маттеоти жил в отдельном флигеле. Флигель круглосуточно охранялся, поэтому Арнольд Клоуз не смог выполнить поручение Баттена: что-нибудь найти во флигеле, что могло бы навести их на след.Арнольд Клоуз нервно курил... Если Маттеоти уже несколько месяцев не имел связи с внешним миром, то, следовательно, он не мог рекомендовать своему брату человека со стороны. Значит, эта женщина тоже из Уайт-Сэндза. Но в отделе «МХ-5» нет женщин.Вывод: речь идет о жене одного из сотрудников отдела «МХ-5».Комната погрузилась в сумерки. Лионель предупредил, что дело очень срочное. Надо попытаться

сделать что-нибудь сегодня же вечером. Во-первых, найти журнал «Лайф» за прошлую неделю. Может быть, он сразу узнает женщину на фотографии? Все возможно... Он вышел из комнаты, не запирая двери. Он хотел, чтобы все считали его открытым человеком, которому нечего скрывать. Он был разговорчив и часто повторял своим приятелям: «Подожди меня в моей комнате, дверь не заперта». Он прошел в библиотеку, зал которой использовался также для игр. Никого не было, все ушли на ужин. Он подошел к тяжелому столу, на котором обычно лежали все журналы, и начал искать. На столе лежало около десяти журналов, но нужного ему номера не было... Странно. Он обошел зал, заглядывая под столы и стулья, чтобы удостовериться, что он не валяется в каком-нибудь углу. Вероятно, журнал бы изъят службой безопасности. Тяжелый случай. Завтра ему придется отправиться в Лас-Вегас. Досадно. Идя по коридору, Клоуз услышал кашель. Он остановился и прислушался. Кашель доносился из комнаты Хэмза. Почему он не пошел на ужин? Клоуз постучал в дверь. – Входите! Хэмз лежал в постели. – Привет! – сказал Клоуз. – Что с тобой? – Я простыл, играя в теннис. Меня прихватило сегодня после обеда. Клоуз участливо спросил: – Тебе ничего не надо? Ты обратился к врачу? – Он придет после ужина... А ты почему не ужинаешь? Клоуз улыбнулся: – Я был сегодня в Санта-Фе и объелся пирожными... Внезапно он увидел на кровати журнал «Лайф». Нагнувшись, он спросил: – Можно взглянуть? – Пожалуйста. Клоуз взял в руки журнал и увидел спящую на кровати женщину. Хороший снимок и красивая девушка... прекрасные белокурые волосы, немного выступающие скулы, высокий выпуклый лоб, тяжелые веки, резко очерченный пухлый рот, тонкая, гибкая шея... – Красивая, не правда ли? – спросил Хэмз. – Изуродована нацистскими свиньями... – Да, – подтвердил Клоуз, – свиньи... Ему казалось, что он уже видел это лицо. Жаль, что глаза закрыты... Он искал предлог, чтобы уйти. Схватившись руками за живот, он скорчил гримасу и пробормотал: – Извини меня, Хэмз... Что-то неладно... На улице стало совсем темно. Из пустыни дул легкий, теплый

ветерок. Клоуз остановился в дверях и размышлял, идти ли ему на ужин. Он опоздал всего на пятнадцать минут, максимум на двадцать. Неожиданно перед одним из флигелей, в ста метрах от него, остановились две машины. Вновь прибывшие или отъезжающие? Клоуз оперся на косяк двери, наблюдая за автомобилями. Из флигеля вышел человек и остановился. За ним появился другой, поддерживавший женщину, которая с трудом передвигалась. Она опиралась на своего спутника и на трость. Свет из вестибюля упал на ее белокурые волосы. Клоуза бросило в дрожь. Удача была с ним... Из флигеля вышел четвертый человек и закрыл за собой дверь. Женщина с большим трудом села в машину. Наконец первая машина тронулась, за ней вторая. Над дверью, где стоял Клоуз, висела большая, мощная лампа, стоило только нажать кнопку выключателя... Он отступил назад, прикрыл дверь, оставив щелку, достаточную для того, чтобы видеть машины, и нажал на кнопку. Вспыхнул ослепительный свет. Взгляд Клоуза остановился на лице женщины редкой красоты, прищурившей глаза от пучка яркого света. Сомнений не было: это была женщина, которой интересовался Лионель. У Клоуза перехватило дыхание. У него было ощущение, что он совершил насилие над этой женщиной. Неприятное чувство, возникшее, вероятно, оттого, что она была так хороша; кроме того, Клоуз ничего не имел против нее... Машины уже сворачивали за угол, когда Клоуз вышел из флигеля. Но вместо того чтобы выехать за пределы Центра, они повернули к церкви. Очень странно. Клоуз решил узнать, что они собираются делать в церкви, и он это узнает. Кроме того, он хотел увидеть мужчин, сопровождавших женщину. На улице не было ни души. Эта тишина, царившая вокруг, в то время как в нем все кипело, поражала его. Ему казалось, что должно произойти нечто невероятное: либо звезды погаснут на небе, либо разразится шторм, либо что-то в этом духе... Он быстро дошел до перекрестка, в ста метрах от которого светились окна ресторана. Он представил веселый ужин своих коллег, приятную атмосферу ресторана, где все хотели расслабиться и снять напряжение рабочего дня. Он

повернул налево и пошел к церкви. Он ходил в церковь каждое воскресенье, несмотря на то что был атеистом. Бессознательно он прижимался к палисадникам из опасения, что его кто-нибудь увидит. Витражи были ярко освещены. Сквозь приоткрытую дверь он различил двух блюстителей порядка. Что это значит? Машины стояли справа с потухшими фарами; шоферы оставались на своих местах. Клоуз бесшумно скользнул влево, тень среди теней. Он отошел подальше, чтобы его не заметили, и вернулся к церкви, обогнув ее сзади. Ризница была освещена; она прилежала к колокольне в виде аппендикса... Осторожно, оставаясь в тени, Арнольд Клоуз дошел до стены и оперся на нее, затаив дыхание. Из ризницы доносились голоса. Он подошел к окну. Дверь была расположена метрах в двухстах отсюда. Если его заметят, он скажет, что зашел на огонек исповедаться духовному наставнику. Он вытянул шею и заглянул в окошко. Священник был одет в рясу, в которой обычно совершал богослужение. Странно. Рядом со священником стоял высокий блондин с коротко остриженными волосами, они о чем-то разговаривали. Клоуз не знал блондина, но зато он узнал другого: Маттеоти собственной персоной... Третий был невысокий, некрасивый, с редкими волосами, плюгавый. Этого Клоуз не знал... Женщины с ними не было. По-видимому, она осталась в церкви. Зачем? Что они затевали? Не свадьбу же в такое позднее время? Священник посмотрел в сторону окна, и Клоуз быстро отскочил. Он услышал еще хлопанье двери... Послышался церковный орган, но Клоуз не разбирался в музыке и не знал, что именно исполнялось. Он знал наверняка, что это не похоронный марш. Он решил подойти к двери ризницы, приставить ухо... Ничего. Он повернул ручку и толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Арнольд Клоуз спокойно вошел внутрь и осмотрелся. Дверь, ведущая в церковь, была заперта. Орган продолжал играть. На столе в центре комнаты лежал толстый журнал. Клоуз подошел и наклонился над столом. Запись бракосочетаний... Почему они избрали для этого такое позднее время, когда все ушли на ужин, да еще с охраной в дверях? Значит, они не хотят

афишировать свадьбу. Он быстро записал имена: Эстер Ламм, родившаяся в Австрии, в Вене, в 1920 году... Стефан Менцель, родившийся в Германии, в Гамбурге, в 1914 году. Свидетелем жениха был Артур Ламм, свидетелем невесты – Эндрию Маттеоти. Все проживали в Уйат-Сэндзе. Арнольд Клоуз вышел так же бесшумно, как и вошел. Он был очень доволен собой. Он лихорадочно соображал, под каким предлогом попросить завтра разрешения, чтобы быть свободным после обеда. Лионель будет ждать его в Санта-Фе. Вернувшись во флигель, он снова зашел к Хэмзу, ожидавшему врача. Ему страшно хотелось есть, но удовольствие от сознания того, что он собрал сведения за один вечер, было хорошей компенсацией. Неожиданно он вспомнил о плитке шоколада, лежавшей в комнате, и быстро попрощался с Хэмзом, который по-прежнему сильно кашлял.

16

Алехонян был в хорошем настроении, что случалось с ним не часто. При такой ответственной должности, как у него, неприятностей всегда было больше, чем удовлетворения. Несмотря на это, Алехонян не променял бы свое место на империю. У него была своя империя, такая же захватывающая, как и у Смита. Цели и средства у них были одни и те же, отличались только побудительные мотивы. У каждого человека они свои, как и у каждой группы людей, и все считают свои самыми лучшими. Итак, Алехонян был в хорошем настроении. До того момента, пока... Раздался телефонный звонок. Алехонян нажал на кнопку и тотчас же услышал голос, раздавшийся из невидимого репродуктора: «Старший политрук Иван Данченко. У меня сверхважное сообщение». Хорошее настроение как рукой сняло. Сверхважное означало неприятности, он это знал уже давно. Он ничего не ответил и нажал другую кнопку. В передней зажегся зеленый глазок. Охранник закрыл железную дверь коридора, сообщающуюся с остальной частью здания. Это называлось «перекрывать шлюз». Затем он проводил Данченко. Бронированная дверь, ведущая в

бюро Алехоняна, бесшумно скользнула по рельсам. На Данченко не было лица.— В чем дело, черт побери? Данченко протянул лист бумаги:— Тяжелый удар... Нас провели... как детей! Алехонян сжал челюсти и провел рукой по гладким блестящим волосам. Его лицо посерело.— Говори яснее! — сказал он изменившимся голосом. Данченко сказал с усилием:— Дело Менцеля... Ты помнишь, что мы вышли на него через брата и сестру Ламм в Триесте? Недавно Хирурго наткнулся на фотографию женщины на обложке журнала «Лайф». Алехонян перебил:— Я знаю... Дальше.— Мы только что получили послание из Нью-Йорка. «Установлена личность женщины, появившейся на обложке „Лайфа“: Эстер Ламм, год рождения тысяча девятьсот двадцатый, место рождения — Вена, Австрия, проживает на полигоне Уайт-Сэндз. Тайно обвенчана со Стефаном Менцелем, девятьсот четырнадцатого года рождения. Место рождения — Гамбург, Германия. Живут во флигеле центра испытаний вместе с братом Эстер, Артуром Ламмом. В Уайт-Сэндзе появились недавно. Стефан Менцель является сотрудником отдела „МХ-5“; характер работ пока не установлен. Ждем дальнейших инструкций». Выслушав сообщение, Алехонян побледнел так же, как и Данченко.— Черт! Как Хирурго угораздило попасться на удочку? Взяв себя в руки, он стукнул кулаком по столу.— Надо немедленно убрать американского шпиона из нашего подземного комплекса в Турфане. — Его взгляд стал жестким и холодным. — Минутку, — добавил он. — Какие у нас есть доказательства, что наш Менцель не настоящий? — У нас есть два человека, которые работали у Менцеля сначала в Гамбурге, а затем в Бреслау. Они смогут опознать его.— Надо немедленно проинформировать Черкесова. Все должно быть закончено сегодня. Данченко поднялся:— Я должен дать ему точные инструкции для того случая, если наш Менцель не тот: пулю в затылок... Алехонян нахмурил брови:— Не будем с этим спешить. Скажи Черкесову, чтобы он доставил его сюда. Как можно быстрее. Мне хотелось бы поговорить с ним. Он все-таки не обычный человек... — Разумеется, — ответил Данченко с горечью. — Я бы лично хотел им заняться. Я развяжу ему язык... Алехонян

многообещающе улыбнулся:— Хорошо.Затем, прежде чем нажать кнопку для освобождения двери, он добавил бесстрастным голосом:— Не забудь, отдел «МХ-5» исследовательского центра Уайт-Сэндз занимается конструированием летающих тарелок... Благодаря американскому шпиону мы теперь знаем это.

17

В Турфане день наступает на четыре часа раньше, чем в Москве.Черкесов получил в час ночи сообщение, переданное накануне по радиции из Москвы, в девять часов вечера. После того как послание было получено в Турфане, расшифровано и передано старшему политруку, прошло десять минут.Читая этот документ, Черкесов чувствовал, что земля уходит из-под его ног. Он всегда считал, что подобные истории могут происходить только в кино или шпионских романах...Сначала он даже не верил своим глазам, но в тексте радиограммы приводились неоспоримые доказательства.Два бывших немецких ученых работали в лаборатории по соседству с «Менцелем». Черкесов снял трубку и отдал приказ: немедленно доставить ученых в корпус Д.После этого он ринулся к машине, приказав шоферу везти его на аэродром, где всегда наготове стоял вертолет.В час тридцать ночи вертолет взлетел, управляемый с земли радарамми.* * *Юбер проснулся от резкого света в комнате своей любовницы.Изадора встала с кровати, сердито ворча. Юбер открыл глаза, чтобы взглянуть на нее: она была красива, несмотря на тяжеловатые бедра.Она прошла в ванную комнату, и Юбер с наслаждением вытянулся по всей ширине кровати. Он был пресыщен и доволен...Настенные часы показывали без двадцати три. Пора спать... В предыдущую ночь Изадора не дала ему заснуть ни на минуту...Шаги в коридоре... Кто это разгуливает в такое время?В дверь постучали. У Юбера сердце заколотилось в груди. Он не двинулся с места, спрашивая себя, слышала ли Изадора стук.По всей вероятности, нет. Иначе она бы уже вышла.В дверь снова постучали, на этот раз очень настойчиво.Он спрыгнул с кровати и помчался в ванную.

Изадора стояла под душем.— Стучат в дверь...Изадора поморщилась. Она выключила воду, накинула махровый халат и пошла открывать. В дверях стоял офицер МВД в сопровождении двух вооруженных охранников. Юбер побледнел. Офицер обратился к Изадоре по-русски:— Я за доктором Менцелем. Его срочно вызывает старший политрук...Изадора пожалала плечами:— Я думала, что случился пожар. Подождите, доктор Менцель должен одеться. Она не казалась ни смущенной, ни заинтригованной. Она хотела прикрыть дверь, но офицер не позволил ей:— Я получил приказ не спускать с него глаз. Юбер понял, что на этот раз шутки кончились.Изадора попросила объяснений у офицера, но он оставил ее вопрос без ответа. Внезапно ее отношение к Юберу резко изменилось. Она смотрела на него теперь как на шелудивого пса и не отвечала на его вопросы...Одевшись, он сказал по-немецки:— Я готов, господа.Его тотчас с обеих сторон обступили охранники. Они подошли к лифту. Когда лифт остановился после продолжительного спуска, они вышли в незнакомый коридор.— Стой!Юбер автоматически остановился, хотя приказ был отдан по-русски. Они вошли в кабинет, где за столом сидел Черкесов, обхватив голову руками. По его виду Юбер понял, что ему не до шуток. Несмотря на волнение, Юберу удалось улыбнуться и произнести естественным тоном:— Доброй ночи!Ни один мускул не дрогнул на лице Черкесова, только глаза холодно скользнули по Юберу и повернулись вправо. Юбер машинально оглянулся и увидел в углу двух мужчин, смотревших на него со смущением и тревогой. Один из них, в очках, был совершенно лысым. Другой, помоложе, острижен под ежик, на его левой щеке был глубокий шрам.«Немцы», — подумал Юбер. Он сразу понял, какую ему уготовили западню. Эти двое наверняка знают настоящего Менцеля.Юбер никогда не признавал себя побежденным до тех пор, пока не использует все средства. Он изобразил удивление, сделал радостное лицо, затем бросился к мужчинам, раскрыв объятия:— Господи! Друзья мои... Вот уж не ожидал вас здесь встретить!Немцы одновременно встали со своих мест, отстраняясь от незнакомца, готового заключить их в свои

объятия. Хриплый голос Черкесова заставил его вздрогнуть:– Тебя не повесят, гнида, но расстреляют!.. Ты получишь пулю в затылок. Но перед этим я вытряхну из тебя душу, шкура! Юбер не оборачивался. Он медленно перевел взгляд с одного немца на другого и мягко сказал:– Я не виноват, если у вас плохо с чувством юмора. Представляете, если бы...– Хватит! – взревел Черкесов. Юбер резко повернулся и яростно крикнул:– Оставьте меня в покое, Черкесов! Я проиграл игру! Мне плевать на ваши оскорбления! Черкесову с трудом удалось взять себя в руки.– Вы можете идти, – сказал он, обращаясь к немцам, которые не заставили себя упрашивать. Затем он приказал стоящему в дверях офицеру:– Уведите его и назначьте ему дозу четырнадцать. Через час мы вылетаем.

18

Незнакомый мягкий голос сказал:– Он просыпается. Через пять минут он придет в себя. Юбер понял, что речь идет о нем. У него было ощущение, что он медленно всплывает на поверхность из густой липкой жидкости, видя над собой полосу света. Над ним склонился белый силуэт со светящимся глазом.– Все в порядке, – сказал силуэт. Это был врач с лампой на лбу. Юбер закрыл глаза, удивившись, что они были открыты. Любопытно... Пять минут... А что потом? Он вспомнил Черкесова и очную ставку... Охранников, проводивших его в медпункт... Врача в белом халате, сделавшего ему укол... дозу четырнадцать... Он не сопротивлялся, во-первых, потому что это ничего бы не дало, а во-вторых, он был уверен, что его не отправят так легко к праотцам, не вытряся из него максимум информации... Через пять минут от него потребуют объяснений – с обычным тактом... В сущности, почему его усыпили? Чтобы перевезти его в другое место без лишнего риска? Вероятно, Черкесов привез его в маленьком вертолете, на котором улетел обратно. Юбер открыл глаза. Настенные часы показывали четыре. За окнами была ночь. Его арестовали в три часа... после этого перевезли в Турфан... Но до Турфана минимум час летного времени... Юбер огляделся вокруг. Судя по интерьеру, он

находился в медпункте. Посередине комнаты стояли два человека в темно-синих формах МВД. Все в порядке вещей. Он хотел воспользоваться отсрочкой, чтобы подготовиться к предстоящему допросу... Как ни странно, ему не было страшно. Он попадал и в худшие переделки, из которых тем не менее ему удавалось выйти. Почему не выйти и из этой? Он будет жить до тех пор, пока они будут уверены, что он еще не все рассказал. Следовательно, надо маневрировать в этом направлении. В этой дьявольской игре не было точных правил; дозволены все ходы. Иногда выигрывал тот, кто был хитрее, иногда более жестокий. Юбер был лишен возможности нападать, поэтому он должен быть хитрее. А выиграть в этот раз должен самый хитрый. Во-первых, надо выиграть время. Он застонал и закрыл глаза. Слишком поздно: пять минут истекли, кроме того, они видели, что он уже проснулся.— Встань, сволочь! Не очень-то вежливые ребята. Схватив его за плечи, они подняли его на ноги, после чего сильным пинком он был отправлен к двери. Это только цветочки. Оба цербера подскочили к нему и схватили под руки.— Пошли! Куда? На пытку, разумеется. А может быть, и на смерть, если он допустит малейшую оплошность. Они вышли в коридор, затем спустились по лестнице, затем снова пошли по коридору. Здание незнакомое... Это не Дворец правосудия в Турфане и не здание КГБ, где он провел одну ночь в апартаментах Черкесова после своего неудачного побега. Какой-то длинный барак... Они остановились перед дверью, охраняемой вооруженным постовым. Дверь открылась. Юбер приготовился ко второму действию.— Очень рад вас видеть у нас! Насмешливый голос... знакомый голос... Юбер хотел повернуться, чтобы посмотреть на того, кто говорил, но в этот момент из угла на него бросилась огромная овчарка.— Стоять, Трумэн! Собака улеглась у ног Юбера, тяжело дыша открытой пастью, из которой капала пена. Юбер перевел дыхание и повернулся к хозяину собаки.— Иван Данченко! — прошептал он. Старший политрук недобро улыбнулся.— Как называть тебя в этот раз? — спросил он. — Фрэнк Рейсл? Теодор Колуцкий? У него прекрасная память... Чтобы выиграть

время, Юбер сказал:— Зовите меня просто Гарри. Данченко смотрел на него, как хищник на свою добычу.— Разрешите мне поздравить вас, — продолжал Юбер. Данченко невесело усмехнулся:— Я здесь ни при чем. Все дело случая... Ты хорошо сыграл свою роль, могу поздравить! Он провел рукой по вертикальному шраму на лбу. Собака начала ворчать, горя желанием вонзить в Юбера свои клыки, которые он еще помнил...— Лежать, Трумэн! Место! Собака, с ошетиненной шерстью и опущенным хвостом, нехотя поплелась в угол комнаты. Юбер заметил с улыбкой:— Я знаю собаку, которую зовут Иосиф. Она живет в Вашингтоне в кабинете, чем-то напоминающем ваш... Он не успел увернуться. Данченко с размаху ударил его кулаком в лицо. У Юбера из глаз посыпались искры. Таким ударом можно свалить быка... Он почувствовал во рту вкус крови. Да, трудно было сохранять выдержку и не дразнить быка. Он с трудом выговорил:— Я был бы не прочь помериться с вами силами, Данченко, но на равных... Он открыл глаза. Старший политрук стоял к нему спиной. Когда он повернулся, Юбер увидел его сжатые бескровные губы, злобу в глазах. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.— Я знал, кто ты, еще до того, как ты вошел сюда. Мы установили твою личность по отпечаткам пальцев, которые ты оставил в Турфане. Юбер подумал о том, что если ему удастся выкрутиться в этот раз, то придется сделать хирургическую пластическую операцию, то есть получить новые отпечатки пальцев. Данченко закурил сигарету и продолжал:— Такие типы, как ты, опасны, только пока их не поймаешь. Я знаю, что ты можешь быть очень смелым и дерзким, но это не мужество, а безрассудство. Ты действуешь как мальчишка, не видящий опасности... У тебя вот здесь не все дома. Он постучал по лбу указательным пальцем.— Возможно, — вздохнул Юбер, не желая больше ему противоречить. Он пытался собраться с мыслями, понимая, что в скором времени ему придется отвечать на вопросы. Надо быстро решить, что он скажет и о чем умолчит. Данченко неожиданно рывкнул:— Теперь, гнида, шулки в сторону. Ты не выйдешь отсюда живым, но прежде ты все расскажешь... Если понадобится, мы разрежем тебя на

куски, но ты заговоришь...Юбер предложил:– Сделайте мне укол «сыворотки истины».Данченко усмехнулся:– Дурак! Ты не понял, что я хочу тебя помучить...Юбер молча покачал головой, затем твердо сказал:– Мы такие же. Если вы попадете к нам...Если Данченко действительно считал его сумасшедшим, безрассудным, надо укрепить его в этом мнении. Данченко был умен, но ограничен тщеславием. Надо на этом сыграть. Юбер небрежно добавил:– Со мной вы теряете время. Я выдержу любую пытку, но и вы ничего не добьетесь.Он решил сыграть на корысти и продолжал:– Я вам не враг, Данченко. Я ничего не имею ни против вашей страны, ни против вашего режима. Из моего предыдущего визита в вашу страну я извлек кое-какой урок, и я вижу положение здесь не таким, каким представляет его западная пропаганда. Я никогда не был фанатиком, и я работаю не по убеждению, а за деньги. Мне все равно, от кого их получать. Вы достаточно умны, чтобы понять...Данченко обмяк, но Юбер считал, что еще рано ликовать. Он только подал идею... нужно немного подождать, чтобы она проложила дорогу... В этой профессии не бывает легких побед...Юбер не удивился, когда Данченко отрывисто приказал:– Уведите его! И можете с ним не церемониться, он парень крепкий. Что бы он ни говорил, до обеда меня не беспокоить.* *

*Охранники набросились на него вдвоем, затем пришли еще двое.Сейчас им занималась уже четвертая команда, и Юберу это надоело.В пятом часу утра Данченко распорядился не беспокоить его до обеда. Долго находясь в подвале, Юбер потерял счет времени.Его уже по меньшей мере четыре раза выворачивало наизнанку на цементном полу. Желудок давно уже пуст. Он был так основательно избит, что не мог сказать точно, какое место причиняло ему больше страданий. Все тело превратилось в один сплошной синяк.Жаль, что он не терял сознания... Он сам удивлялся, что мог выдержать такие муки и оставаться в сознании.Его палачи уже устали наклоняться и теперь били его сапогами стоя.Он решил, что с него довольно и что его капитуляция не вызовет подозрений.Он завопил:– Оставьте меня! Я больше не могу! Довольно! Позовите Данченко.

Передайте ему, что я сделаю все, что он захочет. Все! Прекратите! Неожиданно у него потемнело в глазах. Наконец он потерял сознание.* * * Он очнулся в кабинете Данченко. Его усадили в кресло, возле которого рычала собака. Кроме Данченко в кабинете находился еще один человек. По его виду Юбер сразу понял, что он крупный начальник. Он не ошибся: перед ним стоял сероглазый, подтянутый Алехонян. Данченко сказал: – Нам передали, что ты желаешь говорить. Мы слушаем тебя. У Юбера был жалкий вид, опухшее фиолетовое лицо в ссадинах, плохо отмытое от крови и рвоты... Данченко добавил: – Расскажи, как тебе удалось выдать себя за доктора Менцеля. Расскажи подробно. Юбер почувствовал западню. Данченко просто хотел удостовериться в его искренности. Несомненно, он был подробно посвящен в курс дела. Он хотел чистую правду? Он ее получит. Юбер ничего не утаит, кроме двух вещей: роли, которую Тито, оставшийся в Триесте, сыграл в этом деле, и его собственного настоящего имени. Ничто не могло бы заставить его раскрыть это. – Меня зовут Гарри Брайн, – начал он, – и я числюсь в ЦРУ под номером ноль... ноль шестьдесят четыре... Его рассказ, время от времени прерываемый Данченко, который хотел уточнить то или иное темное место, продолжался в течение двух часов. Ему удалось обойти молчанием роль, сыгранную Тито, что было не просто... Через определенные, почти равные промежутки времени он просил пить, и ему подавали водки. Только в конце беседы он обнаружил, что его записывали на магнитофон. Алехонян до сих пор еще не произнес ни единого слова. Когда он начал говорить, Юбера насторожил его тон. – Сведения, которые вы нам сообщили, соответствуют тем, которые мы уже имели. Лично я верю в вашу искренность. После полученного вами урока вы поняли, что ничего не выиграете, если будете изображать из себя героя. Такие, как вы, не страдают излишней сентиментальностью. У вас нет предрассудков, так как именно это качество необходимо для нашей профессии. У вас нет идеалов, и вы ничего не боитесь, поэтому слово «преданность» не имеет для вас того смысла, что для большинства

смертных. Впрочем, другие слова для вас тоже лишены смысла. Например, слово «предательство»... Вы согласны со мной? Юбер утвердительно кивнул. Алехонян продолжал:— Я предлагаю вам выбор между двумя различными решениями. Вы можете быть нам полезны, конечно, при определенных условиях. Первое решение – пустить вам пулю в лоб. Он сделал паузу.— Второе решение... Я поручаю вам задание в Соединенных Штатах, которое вы должны очень быстро выполнить и вернуться сюда, где мы рассмотрим возможность дальнейшего использования вас... Он посмотрел на Данченко и улыбнулся жесткой улыбкой:— Что вы об этом думаете, товарищ Гарри Брайн? Юбер с трудом ответил:— Я хочу жить... и я сделаю все, чтобы сохранить жизнь... Данченко рассмеялся. Алехонян продолжал:— Прежде чем посвятить вас в подробности этого задания, я хочу уточнить его детали, чтобы не было недоразумений... Юберу казалось, что во всей этой истории есть что-то необычное. Эти люди не были простаками, и если они посылали его в США, то, значит, они заручились гарантиями, которые вынудят его исполнить их приказ и вернуться.— Поскольку вы согласны, то я должен вас предупредить, что перед отъездом вы пройдете специальную подготовку. Вам сделают инъекцию яда, еще не известного у вас. В вашем распоряжении будет один месяц: вы выполните задание и вернетесь, чтобы получить противоядие... В первую же неделю вы почувствуете действие этого медленного яда. Со временем симптомы будут обостряться, так что у вас отпадет всякое желание схитрить или сбежать. Он умолк, закурил сигарету, сделал несколько затяжек и подмигнул:— Вы по-прежнему согласны? У Юбера перехватило дыхание. Они не оставят ему никакого шанса, кроме того, чтобы вернуться и умереть в их стране. Пересохшими губами Юбер пробормотал:— У меня нет выбора. Алехонян прогремел:— Я тоже так считаю. Значит, вы согласны? Юбер подтвердил свое согласие, думая о том, что он попал в худшую из переделок...— То, о чем мы вас попросим, нелегкое дело, но вам оно по силам. Мне хотелось бы подчеркнуть, что после вашего

возвращения мы попытаемся раскрыть ту роль, которую вы сыграете в этом деле, так что вы будете отмечены...Юбер не мог больше этого выносить. Его голова раскалывалась. Он поклялся, что, если ему удастся выйти из этой передраги живым, он станет монахом и проведет остаток жизни, выращивая цветы или сахарную свеклу. Ему не терпелось покончить с этим разговором, и он спросил охрипшим голосом:— Что я должен буду сделать?Алехонян выдержал паузу и сказал:— Убить настоящего Менцеля.

19

С дрожью в коленях Арнольд Клоуз вышел на темную улицу и, сунув руки в карманы, направился в административный блок. Было два часа ночи. Десять минут назад его разбудил сотрудник ФБР и приказал немедленно явиться в здание государственной безопасности, где его ждали...Грязная история! Тот факт, что сотрудник ушел, не дожидаясь его, ни о чем не говорил. Сбежать из Центра ночью было практически невозможно. Кроме того, побег был бы признанием виновности, в то время как ему, возможно, еще удастся выпутаться... В чем его могут подозревать? Вероятно, его частые отлучки в Санта-Фе привлекли к себе внимание. Он говорил об этом Лионелю, предлагая сменить место встреч. Потом он подумал, что ищейки из ФБР могли обыскать его комнату в его отсутствие, но в комнате нет ничего, что могло бы его скомпрометировать...Холл главного здания был освещен. Внутри оказалось полно молодчиков в белых касках.Его остановили, и один охранник проводил его в зал ожидания, куда выходили двери двух следственных кабинетов. Там уже находились четыре человека. По их лицам было видно, что они встревожены. Среди них Арнольд Клоуз узнал Стефана Менцеля: две недели назад он стал свидетелем его венчания с Эстер Ламм.Остальных он мельком видел на полигоне.Охранник, проводивший Клоуза, подошел к своему коллеге, который стоял у одной из дверей, наблюдая за «посетителями».Зачем их вызвали? Охранники беседовали тихо, но до

Клоуза донеслось: «...полковник, наделавший столько шума...», «Полковник Гарри Брайн... Крепкий парень... Похоже, что он вернулся из России...»Клоуза бросило в дрожь. Одна из дверей внезапно открылась, и на пороге появился мужчина в форме полковника, чем-то напоминающий Гарри Купера. У него было усталое лицо, лихорадочный блеск в глазах. Он производил впечатление больного человека.— Мендель!Мендель поднялся. Клоуз заметил, что у него дрожат руки. Он тоже боялся чего-то? Полковник был явно несговорчивым. Клоузу вдруг стало не хватать воздуха...Время тянулось медленно. Прошло всего три минуты, как Менделя вызвали в кабинет, но у Клоуза было такое ощущение, что тот там пробыл минимум полчаса.В следующую секунду Клоуз вскочил на ноги, как и все остальные присутствующие в комнате. Раздался выстрел... из револьвера. Сомнений не было... Оба охранника одновременно выхватили свое оружие:— Не двигаться!Дверь открылась. Полковник, тяжело дыша, указал на тело Менделя, с пистолетом в руке, лежащее на полу в луже крови.В кабинет ворвался капитан в сопровождении шестерых молодчиков, вооруженных автоматами. Полковник Гарри Брайн объяснил капитану:— Мне удалось уличить его в предательстве. Я на секунду отвлекся, он подскочил к столу, на котором лежал пистолет, и застрелился... Очень скверная история, капитан...Капитан был ошеломлен. Он сделал шаг по направлению к телу...Неожиданно тело шевельнулось и перевернулось... Мендель приподнялся. Из его рта обильно потекла кровь. Он показал на Юбера и с трудом вымолвил:— Убийца! Он... убил меня... Он лжет.Зрелище было жутким. Полковник Брайн опередил капитана: он выхватил другой пистолет и выстрелил в Менделя.Затем, с безумными глазами, Юбер ураганом пронесся по залу, сметая всех на своем пути. Клоуз бросился вслед за охранниками, преследовавшими беглеца...В коридоре грохотали автоматы.Раздался душераздирающий крик, на секунду воцарилась гробовая тишина, потом послышался звук падения тела на плиты.Клоуз успел увидеть, как крупное тело, изрешеченное пулями, дернулось в последний раз и затихло.Капитан

закричал:– Немедленно убрать всех гражданских лиц. Отведите их в зал "Х" до нового распоряжения!Крепкий полицейский, сотрудник ФБР, небрежно схватил Клоуза своей лапищей:– Сюда, молодой человек!

20

Никогда еще Юберу не было так плохо: страшная слабость и неотступная тошнота...Если не удастся обнаружить природу убивающего его яда, ему пора готовиться к моргу...Чтобы развлечься, он решил перечитать статьи в газетах, сообщающие о его гибели в результате «трагического случая» в Уайт-Сэндзе, в Нью-Мексико. Журналисты не жалели красок, рассказывая о доблестном полковнике «Гарри Брайне», одном из асов американской секретной службы, который, вернувшись из Китая, где выполнял секретное задание, был подвержен вполне понятной депрессии, но... и так далее.Забавно.Все это было бы еще забавнее, если бы эти статьи-некрологи не опережали реальности всего на две недели...Но если врачи зря теряли с ним время, то Юберу не хотелось терять своего, и он решил воспользоваться оставшейся ему для жизни неделей.В палату вошла некрасивая медсестра:– К вам пришли. Напоминаю, что вам нельзя утомляться.– Это вы меня утомляете, – рявкнул Юбер, невзлюбивший ее с первого дня.Вошел Баг. В горле Юбера что-то сжалось. Приятно в такой момент встретиться со старым другом. От него не ускользнуло волнение Бага: он знал, как изменила болезнь его внешность. В глазах Бага стояли слезы, но он улыбался.– Готовься, старина, сейчас тебе сделают один укольчик...– Но я не собака, – сказал Юбер. – Если они складывают оружие, то я своего не сложу. Я ухожу отсюда, и эта неделя моя. Я устрою нечто такое, что еще никто не видывал!Баг перебил его:– Они нашли.– Что? Они нашли? Естественно... В сущности, я никогда в этом не сомневался. Никогда...– Лаборатория прислала ответ. В твое тело вживили радиоактивные частицы замедленного действия. От них ты и погибаешь...Юбер широко открыл глаза.– И я от них загнусь! – поправил он.Баг покачал головой:– Нет, это скоро пройдет. Через пять минут тебе

сделают инъекцию нитрата циркония... Это новый препарат, в пятьдесят раз ускоряющий вывод из человеческого организма радиоактивных элементов. Через несколько дней ты освободишься от них, а через несколько месяцев ты совершенно об этом забудешь...– Дай Бог! – прошептал Юбер. – Как ты сказал? Нитрат циркония?– Да, – подтвердил Баг.– Прекрасно, – сказал Юбер, – я попал в переделку благодаря бориду циркония и естественно, что цирконий вытащит меня из нее.Баг продолжал:– Я беседовал со Смитом: он считает, что тебе надо будет уйти в отставку. Он опасается за твою нервную систему.– Дурак! – воскликнул Юбер.Баг невозмутимо добавил:– Кроме того, он поддерживает твою идею о пластической операции и, если ты не против, то получишь новые отпечатки пальцев...Юбер улыбнулся.– А что Менцель? – спросил он.Баг понизил голос:– В добром здравии, но навсегда возненавидел гемоглобин... * * *Смит протер свои очки и продолжил чтение рапорта, составленного Юбером:"После того как мне заявили, что я должен убраться настоящего Менцеля, во время беседы с Данченко, я понял, что нахожусь в Москве, а не в Турфане, как предполагал. Я заглянул в лежащий на столе календарь: 25 сентября, четверг. Я справился у Данченко, и он подтвердил, что меня арестовали 25 сентября, в четверг, в подземных лабораториях в Турфане, в два часа сорок минут ночи. Около трех часов мне сделали укол, и я погрузился в сон. Проснулся я уже в Москве, то есть за четыре тысячи пятьсот километров, в четыре часа ночи, 25 сентября, то есть через час. На самом деле – через пять часов, принимая в расчет разницу во времени. Таким образом, с того момента, как мне сделали укол в Турфане, и до моего появления в Москве прошло пять часов. Если отбросить время, затраченное на посадку, высадку, доставку в Комитет безопасности, то мы пролетели четыре с половиной тысячи километров за два часа тридцать минут, если не меньше. Покрыть такое расстояние за столь короткое время можно только в летающей тарелке, из чего я делаю вывод, что я, к сожалению, сам того не ведая, совершил путешествие на этом аппарате..."Смита прервал звонок. Это был Ховард, у которого была

срочная информация. Смит предложил ему подняться на своем персональном лифте. Ховард поприветствовал шефа и устроился в привычном кресле.— Юбер спасен, — сообщил он. — Врачи уже сделали ему инъекцию противоядия. Через месяц он встанет на ноги.Смит провел руками по усталому лицу, чтобы скрыть охватившее от такой приятной новости волнение. Ховард продолжал дрогнувшим голосом, избегая смотреть на шефа:— Менцель и его жена прибыли по назначению. Все идет согласно вашему плану и без малейшего инцидента. Он возобновит свои исследования в уединенном месте...Он прокашлялся, чтобы прочистить глотку:— Газетчики были великолепны. У наших коллег за океаном появится интересное чтение. Арнольд Клоуз, присутствовавший на спектакле, передал им подробный отчет, который должен их убедить полностью.— Продолжайте наблюдение за Клоузом. Через некоторое время переведите его на должность, где он не сможет навредить. Через полгода, но не раньше, мы поймаем его за руку и повесим... А в антракте попытаемся, может быть, еще использовать его... Это все. Я заканчиваю чтение рапорта Юбера. Он никогда не простит себе, что проспал свое первое путешествие в тарелке...